

Игорь БОЛГАРИН
Виктор СМИРНОВ

ГУЛЯЙПОЛЕ

МАСТЕРА
ИСТОРИЧЕСКИХ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ДЕВЯТЬ ЖИЗНЕЙ
НЕСТОРА МАХНО

Мастера исторических приключений

Игорь Болгарин

Гуляйполе

«ВЕЧЕ»

2006

Болгарин И. Я.

Гуляйполе / И. Я. Болгарин — «ВЕЧЕ», 2006 — (Мастера исторических приключений)

ISBN 978-5-4484-7959-5

Нестор Махно – известный революционер-анархист, одна из ключевых фигур первых лет существования советской России, руководитель крестьянской повстанческой армии на Украине, человек неординарный и противоречивый, который искренне хотел построить новый мир, «где солнце светит над всей анархической землей и счастье – для всех, а не для кучки богачей». Жизнь его редко бывала спокойной, он много раз подвергался нешуточной опасности, но не умер, и потому люди решили, что у него «девять жизней, як у кошки». В первой книге трилогии основное внимание уделено началу революционной карьеры Махно. Повествование охватывает три десятилетия вплоть до 1917 года, когда Махно решает создать в своём родном селении Гуляйполе первую в России коммуну.

ISBN 978-5-4484-7959-5

© Болгарин И. Я., 2006

© ВЕЧЕ, 2006

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	14
Глава третья	18
Глава четвертая	22
Глава пятая	26
Глава шестая	31
Глава седьмая	36
Глава восьмая	43
Глава девятая	49
Глава десятая	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

**Игорь Яковлевич Болгарин,
Виктор Васильевич Смирнов**
Гуляйполе. Девять жизней Нестора Махно

© Болгарин И.Я., Смирнов В.В., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Пролог

6 ноября 1888 года, за час до полудня, в Крестово-Воздвиженской церкви украинского местечка Гуляйполе во время обряда крещения младенца мужского пола на священнике загорелась риза. Вспыхнула ярко.

Дьячок не растерялся, набросил на священника старенькое одеяльце, которым должны были укутать младенца после обряда.

Моложавый батюшка Димитрий стал растерянно креститься. Родители и восприемники младенца стояли в некотором оцепенении. Отец, Иван Махно, худой, болезненный, кашляющий, весь пропитанный горилкой так, что сам мог вспыхнуть, оперся о плечо жены Евдокии.

Прихожане тихо и встревоженно между собой переговаривались:

– Не до добра это... Ох не до добра... Знак...

– Дьявол родився!..

Старухи истово крестились.

А младенец совсем не испугался, не заплакал. Он всего сорок дней тому родился и лишь начинал постигать этот открывающийся его глазам мир.

Певчие вдруг затянули «Трисвятье».

Сморщенный крохотный человечек кривился, пускал слюнявые пузыри, косил зрачками, морщился...

– Нарекаю тебя по святцам славным именем Нестор, – после небольшого замешательства священник Димитрий продолжил обряд крещения, – что значит «возвернувшийся додому». Будешь пребывать в странствиях и каждый раз возвращаться до родного очага. И огонь в храме – как знак тепла домашнего, всяко сущее согревающий.

Вечером дьячок записал в церковную книгу: «Сего дни случилось чудо. Во время сполнения обряда крещения в храме само по себе загоревся огонь, но никого не пожар и никакого убытка храму не учинил...»

Видимо, спустя какое-то время он дописал: «...А шо слухи пошли по селу, так то от зловредства паче того бунтарства, до якого у нас серед козаков имеется приклонность... Може, батюшка свечки Божией ризой торкнувся незаметно для очей чи ще ялось, а паства неписьменная одразу сочинительством недобрым зайнялась...»

Как бы то ни было, а слухи о дьяволе пошли не только по Гуляйполю, но и по его ближним окрестностям. И сохранились у местного населения на долгие годы.

В недавнем прошлом Гуляйполе – казачья слобода, местечко немалое: имело десять тысяч жителей и было волостным центром богатого Александровского уезда Екатеринославской губернии...

Часть первая

Глава первая

Весна на юге Украины в тот год наступила совсем неожиданно. Еще вчера шел мокрый снег, было сыро и слякотно, а сегодня небо уже поголубело, запахло сады, и крестьяне, у кого был хотя бы небольшой земельный надел, погнали застоявшихся за зиму волов в степь. Выползли из хат старухи, усаживались на скамейках у ворот, обсуждали с товарками, что где за зиму случилось, кто помер, кто женился, у кого скотина пала... Да мало ли что могло случиться в селе за длинную зиму.

В ту же пору, когда еще только первая зелень пробилась из земли и жадно потянулась к солнцу, помещики нанимали бедняцкую детвору в подпаски и пастушки. Все лето будут они пасти коров и телят, а мальчишки постарше водить в ночное панских коней. Платили не щедро, а все же какая-никакая прибыль семье.

Нестор уже второй год подряжался «до помещика Данилевского» подпаском. Работа не трудная. С вечера забрать у пахарей выморенную скотину, напоить, искупать в речке и на всю ночь выгонять на луга, стеречь, чтоб они не наделали шкоды в чужих посевах да чтоб лихие люди их не украли. А цыган-конокрадов, что ни год, в теплом и богатом Приднепровье становилось все больше...

Нестор любил взобраться на только что выкупанного коня и промчаться так, чтобы тугой ветер бил в лицо, чтобы выгоревшие и не знавшие ножниц волосы развевались за спиной.

Вот он выскочил на пригорок, и оттуда вдруг открылись давно знакомые необозримые дали: река Базавлук, рощицы, колокольни церквушек, гребенчатые полосы пирамидальных тополей вдоль пыльного шляха, что вел на станцию. Там, на станции, был другой мир, который извещал о себе разноголосыми гудками паровозов. Чужой мир.

А здесь – простор, воля, дурмящие запахи трав.

А еще Нестор увидел, как там, внизу, малорослый пастушок пытался отогнать коров, которые подступали к посевам овса.

– Куд-ды!.. Куды, заразы! – кричал пастушок тонким плачущим голосом и при этом пытался щелкнуть длинным арапником. Но он только запутывался у ног. И тогда хлопчик оборачивался к пастуху, тощему парубку, блаженно лежащему под теплым солнцем на копне соломы: – Петро! Он коровы в овсы идуть!

– Та нехай! – лениво отозвался парубок.

– Петро! Ну, Петро! Батогов от пана получим! – Пастушонок уже плакал, размазывая по грязному лицу слезы.

И только теперь Нестор узнал в пастушонке свою десятилетнюю соседку Настю. Вокруг нее коровы уже вовсю увлеченно стригли пока еще малорослые овсы.

Нестор пустил лошадь с холма. Вниз, вниз. Влетел в овсы. Щелкнул кнутом. Коровы нехотя стали поворачивать, лениво побрели с овсов.

Затем Нестор подскочил к стожку, изо всей силы перетянул кнутом парубка. Тот вскочил, плаксиво завопил:

– Ты чо? Скаженный! Тебе панського овса жалко?

– Мени Настю жалко. – Нестор указал на девочку. – Из-за тебя, гниды, малявку на панской конюшне плеткой пороть будут!

Нестор отъехал от парубка, осадил коня возле девчушки.

– Спасыби вам, дядя Нестор.

Нестор улыбнулся: «дядя». Ему еще четырнадцати не исполнилось, был он недокормленный, мелкий, ненамного отличался от Насти. Он весело разглядывал соседку. Старенькое, вылинявшее под солнцем платье, выгоревшие волосы, цыпки на поцарапанных жесткой прошлогодней стерней ногах.

– Чии коровы? Пана Данилевского?

– Його!

– А мени твоя мамка не сказала, шо тебе в пастушки отдады.

– Ага. Тилькы не хотилы брать. Сам пан Данилевский сказав: «Возьмить! У неи ноги молоди, добре бегать буде!»

– Ну, бегай! – Нестор прищпорил коня, но тут же резко его осадил. И непослушный конь Орлик, любимец помещика, не всегда подчинявшийся даже самому пану Данилевскому, покорно повиновался: почувствовал силу в руке всадника или твердый его характер. Обернувшись, Нестор спросил: – Когда вже ты вырастешь, Настя?

– Не знаю, – смутилась девчушка. – Мамка казалы, через шесть годов.

– Расти быстрише! – Нестор засмеялся и тронул босыми ногами коня. – Через шесть годов сватов до тебе зашлю!

– Та ну вас! – Настя тоже застенчиво засмеялась.

И Нестор понесся дальше, в луга, в марево...

Вечером все гуляйпольские мальчишки – и пастухи, и подпаски – собирались в ночном. Пригоняли коней и выпускали на поросший сочной травой выгон. Особо которые с норовом и за ночь могли невесть куда забрести, треножили.

На краю села, на отшибе, стояла построенная в стародавние времена цыганами и уже давным-давно заброшенная кузня. Крыши на ней не было, стены пообрушились, и эти развалины со всех сторон густо поросли бузиной. На лето старая кузня становилась ночным обиталищем пастухов. Совсем неподалеку от нее виднелись неясные тени пасущихся коней, слышался легкий топот, пофыркиванье. А в стенах кузни, никому не видимый, горел костер – пацанячья радость и забава. Под угольями, над которыми скупое дотлеало пламя, пеклась принесенная из дому картошка. А кто-то припас и шматочек сала. После того как испечется картошка, его можно нанизать на вербовый прутик и подержать над жаром. Нет ничего вкуснее!

Но главное не это. Главное – истории, которые пастушки рассказывают друг дружке. Сказки, легенды, бувальщины. Все слышанное от старших здесь, при зыбком свете ночного костра, приобретает иные краски, уснащается фантастическими подробностями. А как рассказывается! Совсем обычным будничным голосом, приглушенным до шепота, чтобы потом вдруг выкрикнуть что есть мочи и до дрожи испугать слушателей.

Здесь знают много легенд и историй из жизни запорожских казаков. Это и неудивительно: неподалеку отсюда – знаменитый остров Хортица, где находилась едва ли не самая главная Запорожская Сечь. Гуляйпольские старики еще помнят, как ее уничтожали по велению Екатерины Второй.

Сгрудившись вокруг Федосия Щуся, слушали его завораживающие истории Нестор с братом Григорием, Иван и Сашко Лепетченки, Сашко Калашник, Семка Каретников, Тимка Лашкевич и уже знакомая нам веснушчатая Настя.

Хорошо рассказывал Щусь, этот необычайно красивый, рослый и складный хлопчик с падающим на лоб черным чубом. Сам Федосий – не местный, из Велико-Михайловки. Но каждую весну он приезжал в Гуляйполе к кому-то из родичей и оставался здесь на все лето. Гуляйпольские мальчишки признали его за своего, приняли в компанию. Главным образом, может, за то, что знал превеликое множество всяких историй и рассказывал их умело. Слушали его не шевелясь. Разве что кто-то едва заметно поведет рукой, принимая гуляющую по кругу цыгарку.

– ... И надумал атаман Серко взять своим козацким войском турецкий город Царьград. Це у них вроде як столица. На той стороне Чорного моря... А як через Чорне море переправиться? Оно ж здоровенне, ну, як если б на коне скакать по воде, то за недилу чи й доскачешь. И ще ж и хвыли! – Щусь привстал и показал рукой высоту разбушевавшихся черноморских волн.

– Ой! – громко вздохнула Настя.

Нестор косо усмехнулся. Видно, ему не очень нравилось главенство Щуся и то, как его восторженно слушают.

Федосий скользнул по Нестору настороженным взглядом, но не стал обращать внимания. Продолжил.

Щусь рассказывал. А над их головами плыла удивительная гуляйпольская ночь. Стреко-тали то ли сверчки, то ли виноградные лягушки, сонно перекликались перепелки. Слышалось мирное пофыркивание коней, пасущихся неподалеку. Хрустели травой. Трава в степи стояла пока еще высокая, сочная.

А звезды над степью! Такие звезды можно увидеть только здесь. Очень крупные. Иные, похоже, не выдерживают своей тяжести, срываются с вышины и, прочертив по небу светлую полосу, катятся вниз и почти у самой земли тают.

За полуразрушенной цыганской кузней вставала луна. Она еще пряталась за стенами, но светом своим уже начинала гасить звезды.

– ... И шо тогда придумал Сирко? Приказав «чайки» – лодки таки дубовые – связать по семь штук, та ще меж ними по пучку камыша привязать – для непотопляемости. Ну, шоб «чайки» лучшее держались в бурю на воде. Погрузилось все козацке войско на таки корабли и поплыло. Наверно, немало козаков потонуло...

– Шо ты выдумуешь? – сердито спросил Нестор. – Серко не той атаман, шоб своих людей ни за шо погубить.

Щусь не отозвался, продолжил:

– ... Не думалы, конечно, турки, шо запорожски козаки сумеють таке сотворить: через Чорне море – на лодках. Не думалы, а значить, и не ждалы... Взломалы козаки железом ковани царьградски ворота, поубивали охрану и зайняли город. И побиглы до них люды. Наши люды. Там их повным-повно було. Пленни. Сколько козаки з туркамы воюють, воны всих пленных до себе забыралы. Кто рабом став, девчата в гаремы попалы, дитей нарожалы, а хто и откупывся и тепер жив в Царьгради вольно, вроде турка.

– Во гады! – гневно прошептал один из Лепетченков.

– Слушайте дальше. Собрав Серко всих наших, и которы пленни, и рабов, и теток, шо в гаремах, и тех, шо выкупили себе волю. Всих. Вывив их далеко за город, в чисте поле. И сказав им: «Браты мои славяне! Мы прийшли, шоб дать вам волю. Идить додому, растить хлеб, рожайте детишков, докормлюйте своих немощных батькив. Бо выплакали оны уже все очи, глядя в сторону Туреччины!..» И шо вы думаете? Начались промез пленных разговоры. И поняв Серко: не все хотять додому, на Украину. Бо прожылы оны в плену багато годов, у кого семьи тут образовались, кой-хто всякого разного богатства накопыв, а хто и просто до рабства привык...

– Не може такого быть! – удивился Сашко Лепетченко. – Ну, шоб до рабства...

– Обыкновенни запродавци! – подтвердил слова Щуся Нестор. – Предатели! Бувае!

– Ни в жисть не повірю!

– Ну, так слушайте ще. Пошел Серко до пленных, встав на якуюсь каменюку и сказав: «Чую, не вси вы додому хочете! Так, може, хто из вас и веру ихню бусурманську прийняв? Може, есть и таки?.. Шо ж, возвертайтесь туда, куда вас ваше сердце зове!..» И пишли оны. Одни – додому, на Украину. А други повернули в сторону Царьграда...

– И шо Серко? Невже отпустыв? – не выдержал флегматичный Калашник.

– Погано знаешь Серка! – недобро усмехнулся Нестор в предвкушении дальнейших событий.

– Серко стояв на камени и смотрел, як йдуть його браты и сестры назад в турецкий полон. Добровольно йдуть... Довго смотрел. Не выдержало його сердце. Позвав сотника и приказав ему: «Бери своих хлопцев и вырубай их! Всех! Под корень!...»

Наступила тишина. Все ждали продолжения рассказа. Но внезапно где-то вдали, едва слышимые, прозвучали несколько сухих выстрелов.

– Вроде як стреляють? Чи шо?

– То, наверно, цыгане. Батогамы ляскають...

– Ну, рассказуй! Шо потом було? – попросила Настя.

– А потом... потом була ночь. От така, як сейчас. Светла. И прийшов Иван Серко на то место, де сотник з товаришами пленных порубав. Довго стояв серед мертвых. Луна пиднялась красна, здоровуца. А он все стояв и стояв серед мертвых... – Федосий постепенно понизил голос почти до шепота. – А потом сказав порубаным своим землякам: «Простить нас великодушно. Но лучше вам мертвыми быть, чем предателями...»

– Шо сказав? – не расслышали парни.

И Щусь громко, чтобы испугать друзей, во все горло крикнул:

– Лучше вам мертвыми быть, чем предателями! Лучше мертвыми, чем предателями!

Пастушки вздрогнули и еще теснее сгрудились у костра. А Настя приникла к Нестору, спряталась за его спиной. И опять наступила тишина: каждый по-своему переживал рассказанное Щусем.

Нестор усмехнулся. И потом сказал вдруг:

– А от тут ты трохи сбрежал, Федос!

– Шо я сбрежал? – озлился Щусь и встал. – Шо?

– Не такой був атаман Серко, шоб комусь поручать с предателями расправиться. – Нестор тоже вскочил. – Он сам изменникив изничтожав! Сам! Своею рукою!

На лице Нестора была написана неподдельная ярость. Он стоял рядом с Щусем, и было особенно заметно, какого он маленького росточка. Только буйством нечесаных волос мог он соперничать с Федосом.

– Гляди, який ты завзятый! Прямо настоящий «атаман Махно»! – Щусь уничтожающе смерил Нестора взглядом. – Шо хочу тоби присоветовать! Ты каши побильше ешь и ложку получше вылизывай!

Но никто из хлопцев не рассмеялся. Шутить над Махно не привыкли. Глядели то на Федоса, то на Нестора, в котором закипали нешуточная злоба и ревность. Никому не хотел он отдавать свое пацанячье верховенство.

И Нестор вдруг бросился на Щуся, ударил его головой в живот с такой силой, что тот свалился на землю. Вцепившись в приятеля с кошачьей ловкостью, Нестор дрался ногами, головой.

Пастушки тоже повскакали на ноги, наблюдая, чем закончится драка. Не вмешивались: не было принято.

Нестор отлетел от сильного толчка Щуся. Из угла его рта проступила кровь.

Но тут снова раздались два громких щелчка. Все поняли, что это выстрелы. И что стреляют близко. Одна из пуль даже заунывно пропела над ними.

– Вроде и взаправду стреляють, – удивленно сказал Сенька Каретников.

Послушали еще немного. Но было тихо.

Щусь поднял кулаки.

– Продовжим? – спросил он у Нестора, усмехаясь.

Но неподалеку затрещали ветки, и сквозь бузину, что густо росла вокруг кузни, протиснулся человек.

Настя снова испуганно прижалась к Нестору, ладошкой вытерла с его лица кровь.

Высокий худой мужчина приблизился к костру. Он тяжело дышал и, несмотря на сумеречный свет, можно было разглядеть его мокрое от пота лицо. Черная борода, черные усы. Длинные волосы падали на плечи. Настоящий цыган.

– Чьи кони, пацаны? Кто пастух?

Все промолчали. Только Нестор, не оробев, ответил:

– Ну я пастух! А кони – пана Данилевского.

– Отойдем в сторонку.

И когда они отошли подальше от костра, незнакомец попросил:

– Выручай, хлопче! Слышал стрельбу? То меня полиция гоняет, как зайца.

– Ты кто ж такой? Разбойник?

– Может, и разбойник... Дай коня, хлопец! Иначе мне от погони не уйти!

Нестор помедлил. Он знал, что ему будет за утерю коня.

– Коня я верну. Не знаю как, но верну.

Нестор молчал.

– Понимаешь, убьют они меня... Убьют!

Нестор неожиданно для самого себя вдруг сказал:

– Ладно.

Он бросился с пригорка вниз и вскоре появился с небольшим гнедым коньком. Накинул на него уздечку.

– Без седла на коняке усидишь?

– Я и на ведьме усажу. – Незнакомец довольно ловко вскочил на коня. – Пацанам скажи: никого не видели.

– Не дурные, понимаем.

Незнакомец тронул коня хлесткой лозинкой и скрылся в зарослях бузины. Несколько мгновений Нестор еще слышал хруст кустарника под лошадиными копытами, а потом все стихло.

Он вернулся к костру, присел:

– Спеклась картошка?

– Кто это був? – спросил Калашник.

– Кто? Де? – удивился Нестор. – Ты шо, кого-то бачив?

– Н-не.

– А ты?.. Ты?.. – спросил он у братьев Лепетченко, Каретникова, Лашкевича, Щуся.

– Да вроде никого.

– Он и Настя спала. Никого не бачила. Правда, Настя?

– Бачила, – заупрямилась Настя. – Зайчика бачила.

– Во! Молодец! – похвалил ее Нестор.

Прошло еще совсем немного времени, и чуть ли не над их головами раздалось несколько выстрелов. К разгоревшемуся костру вышли трое полицейских. Один, видимо старший, приблизился к мальчишкам, внимательно ошупал всех глазами, сказал:

– Тут человек пробигав! В яку сторону?

– Человек? – удивился Нестор.

– Ну як же! Он мимо вас пробиг и вроде як в те кусточки шмыгнув! – вмешался второй полицейский. – Не моготь быть, шоб ничего не видали!

– Очи есть! – сказал Нестор. – Шо-то, конечно, бачилы.

– Говори!

– Две собаки пробиглы. И ще цыгане. С медведем, до кибитки привязанным. Пришлось глаз не смыкать. Вы ж сами знаете, пан начальник, як ции цыгане коней крадут...

– Ще! Ще кого видали?

– Зайчика, – сказала Настя. – Зайчик он там пробигав.

– Идиоты! – рассердился старший полицейский. – Мы человека разыскиваем! Злодия!

– А человека, извиняйте, не бачили, – искренне огорчился Нестор. – Честне благородне!

Шоб мене чорты на том свете в смоле варили!

Когда полицейские исчезли и смолк треск сучьев под их сапогами, Нестор обратился к Калашнику:

– Сашко! Отгониш коней на панску конюшню. Скажешь Степану, шо, мол, Орлик кудась запропастывся, так я пошел его шукать.

– Поняв. Другого не пойму: на кой черт тобі було чужому дядьку коня отдавать? Хто он тобі, сват чи брат? – удивился Калашник.

– Сам не знаю, – пожал плечами Нестор. – Просто дядько попал в беду.

– Ну да. Теперь вин з биды выберется, а ты в нее попадешь, – заметил Сашко.

– Ох и пороть же тебе будут! – вздохнул Щусь, выражая явное сочувствие.

– Ничо. Стерплю.

– Платить за коня придется. Могуть и хату отобрать.

– Не одберуть. Она на ладан дыше. Скоро завалытсья.

...Хата и в самом деле была самая обычная, как и большинство в Гуляйполе. Под соломенной крышей. Пол глиняный – «доливка». Маленькие оконца. Внутри – нищета. Правда, не кричащая. У оконца на столике стояла швейная машинка «Зингер» – напоминание о прежнем скромном достатке. Лампадка в покуте у божницы, убранной засушенными цветами. На полатах спали Григорий и его меньший брат Нестор. Еще два брата – Савва и Карпо – женатые и жили отдельно, третий – Омельян, тоже женатый – был на японской войне.

Мать, Евдокия Матвеевна, потормошила Нестора за плечо. Тот открыл глаза:

– Шо, мамо?

– Настя просыть, шоб выйшов.

– О господи, поспать не дадут. – Нестор торопливо натянул штаны, вышел на крыльцо. Возле калитки стояла Настя.

– И шо тобі не спиться? – проворчал Нестор.

– Идить ближче, секрет скажу.

Нестор подошел к калитке.

– Приходыв дядько... – прошептала Настя.

– Той, шо ночью? – предположил Нестор.

– Не! Якийсь другый. Молодой, без бороды. Сказав, шоб коняку забрали. Вона в старий кузни стоить.

...В вываленное окно кузни Нестор увидел Орлика. Тот тоже узнал Нестора, радостно заржал. Привязанный к торчащей из стены железяке, конь жевал свежую траву. Перед ним лежала большая охапка.

Нестор отвязал коня, сел на него, выехал из развалин. Пригибаясь, продрался через кусты бузины и выехал на дорогу...

Старший конюх Степан встретил Нестора в конюшне. По выражению его лица парнишка понял: прощения не будет.

– Так ты панське добро стережеш! – закричал Степан, едва Нестор ввел коня в конюшню. Бросился к нему с уздечкой. Стал лупить подростка по голове, по рукам, которыми тот пытался защититься. – А если б коня цыгане украли? С тебе який спрос, с голодранца? Я за все ответчик! Запомны!

И Степан вновь замахнулся уздечкой.

Нестор неожиданно выпрямился, схватил один из висящих на стене серпов. Но Степан, крупный, увесистый мужик, успел перехватить руку Нестора, заломил ее. Нестор уронил серп, и тот со звоном прогремел по каменному полу.

– Обрубок! – прорычал конюх, подминая Нестора под себя. – Вовк! Байстриук!
И он стал бить Нестора уже не в урок, а на увечье...

Дома, избитый, с перевязанной мокрым полотенцем головой, Нестор сидел перед осколком тусклого зеркала, рассматривал кровоподтеки на теле. Возле него хлопотала Евдокия Матвеевна.

– И тут ще помажьте, мамо, – показывал Нестор на проступающий на плече багровый синяк. – И от тут!

– Господи, ну колы ты вже угомонишься! – смазывая синяки и ссадины, ворчала мать. – Ну, вынудатый же: коня не углядив. Так попросыв бы прощению. А ты – в драку!

– Не я первый начав, – угрюмо оправдывался Нестор. – Сперва он мене уздечкой.

– Перетерпив бы! За дело ж. Степан – уздечкой, а ты перетерпы...

Нестор молчал.

– Ты сходи до нього и цее... прощению попросы. Вин не злопамятный, я знаю. Оны с папанькой твоим покойным Иваном Родионовичем трохи дружковалы, колы в кучерах булы. Выпивалы, просты господи, разом.

– Не пиду! – отрезал Нестор.

Мать некоторое время сидела молча, в растерянности. Но потом что-то еще пришло ей в голову, она одобрительно сказала Нестору:

– И не ходи. И правильно. Здоровый бугай! Хлопчика быть. Де це видано!

Теперь уже Нестор удивленно посмотрел на мать.

– Ты, сынок, до пана сходи. Пан – не якыйсь там конюх. Грамотный, ученый, вин смилоствитися.

– Ну да! Смилоствитися! – проворчал Нестор.

– А ты хорошенько попросы, – стала ласково уговаривать мать и вдруг запричитала: – Жить-то, жить як будем? Мука кончается. И картошка, и крупа. А у нас шесть ротов, и вси есть хочуть.

– Так пускай идуць на заработки!

– То-то ты не знаешь? И Савва, и Карпо в Александровск ходылы. И шо? Пусти хлопоты. Може, малость попизнише де и пристроются. А шось в рот покласть съодня надо. И твои три рубли тоже в симьи ну совсем не лишни!..

Нестору не нравился ласково-униженный голос матери, ее притворные всхлипывания. Опустив голову, он угрюмо смотрел под ноги. Скорее себе, чем матери, сказал:

– Не знаю... Подумаю...

Глава вторая

Усадьба помещика Данилевского, латифундиста, владельца обширного, в тысячи десятин, многопрофильного хозяйства, была несказанно богата. Такие только на блаженном юге еще и бывают. В доме, среди огромной прихожей с натертыми пчелиным воском полами, высокими стрельчатыми окнами, с трепещущими накрахмаленными занавесками, стоял Нестор, смиренно опустив руки и стараясь скрыть свой настороженный и отнюдь не исполненный покорности взгляд.

– До пана я, – сказал он холеному надменному лакею. – Прощению просыть. За коня.

– Як докласть?

– Нестор... Махно.

Лакей исчез в глубине дома.

Нестор ждал, рассматривал прихожую... Голову свирепого кабана на стене. Голову оленя с роскошными ветвистыми рогами. Картину, изображавшую сцену охоты.

Откуда-то из глубины дома доносились музыка, смех...

На лужайке возле дома – видно из окна – барские дети играли в лапту.

Напольные часы заполнили прихожую глуховатым боем. Кажется, и время у него свое, у пана Данилевского... Ой, нет, пан! Ой, нет!

Неожиданно в соседнем зале раздались крики, топот ног, звон разбитого стекла – и в прихожую проскочил, роняя перья, огромный, взъерошенный цветастый красавец петух. За ним с растопыренными руками, стараясь поймать птицу, вбежал лакей. За лакеем сам хозяин, пан Данилевский, еще не старый, полуседой мужчина в развевающемся халате. За паном – молоденький юнкер в военной форме, с погонями поручика. В имении он, видно, на кратковременной побывке. За юнкером вприпрыжку вбежала веселая, хохочущая большеглазая девушка лет восьми.

Махно не шевельнулся.

Петух вскочил на окно, с окна – на оленьи рога, затем пролетел через всю прихожую и тяжело опустился у ног Нестора. Парнишке ничего не стоило схватить его, но он не тронулся с места.

Девочка бегала вокруг Нестора вслед за петухом и чуть было не схватила его.

– Осторожней, Винцуся! – прокричал девочке пан. – У него острые когти!

Беготня наконец закончилась пленением птицы. Поймавший петуха лакей торжественно передал его запыхавшемуся пану. Тот стал гладить его, подул в «ушко», полез в карман, извлек горсть каких-то зерен, поднес их к самому клюву. Петух, успокаиваясь, начал лениво клевать.

А по прихожей все еще летали несколько разноцветных перьев.

Девочка первой перевела взгляд на стоящего посреди прихожей босоногого, насупленного Махно. Остальные, занятые петухом, не замечали мальчишку.

Окончательно успокоив красавца, пан отдал петуха лакею.

– Скажешь птичнику: кормить пока только просом. До кур не допускать, пусть пообвыкнет.

– Слухаю!

– Станислав! – обернулся барин к сыну. – Как, ты говорил, порода называется?

– Ливенские, папа!

– Кацапские, что ли?

– Заводчик – из Ливен. Оттого – ливенские. А так – чистопородные англичане. Очень певучие. Прямо настоящие соловьи.

– Но, заметь, с норовом! Поистине настоящий англичанин! – почти ворковал пан Данилевский. – Не понравились, видите ли, мы ему! Гордый!.. Лордом назовем! Дорогая птичка? Сколько заплатил?

– Триста целковых, папа! – ответил юнкер.

– Понял? Триста целковых! – обратился пан к лакею. – Глаз с птицы не спускать!

– Слухаю!

И только теперь пан Данилевский обратил внимание на подростка.

– А это кто ж такой?

Уже в дверях лакей остановился:

– Я докладал. Той самый... Махно... прощению просить.

– Го-осподи! – удивленно воскликнул Данилевский, глядя на Нестора сверху вниз. – А разговору-то, разговору! «Коня украл!» «Конюха чуть не зарезал!..»

Теперь уже все – и пан, и юнкер, и девочка рассматривали Нестора как диковину, как вбежавшего в псарню волчонка. Девочку забавлял мрачный подросток еще и тем, что он был почти одного с нею роста, хотя заметно старше.

– Ну скажи-ка нам, Аника-воин, как звать тебя? – весело спросил пан.

– Махно. Нестор... Иванович.

– «Иванович!» – пожал плечами Данилевский. – Казак Голота!.. А петуха почему не ловил? Тоже гордый, что ли?

Нестор не отвечал, смотрел вниз, на свои босые ноги.

– Ну что ж, десяток плетей – и служи дальше. Паси!

– Будете бить – пиду од вас, – не поднимая головы, мрачно сказал Нестор.

– Так-так! Он еще и дерзкий притом!.. Дюжину плетей ему – и пусть уходит!

– Ну зачем же так, папа? – развел руками юнкер. – Выгнать – и ладно. Но зачем же унижать?

– За дерзость всегда надо расплачиваться, Владислав! Непреложный закон жизни... Не правда ли, Винцента? – улыбнулся пан девочке.

– Я не хочу, чтобы мальчика били! – требовательным голосом громко сказала девочка. И, видя, что отец непреклонен, затопала ножками, заплакала, закричала: – Я не хочу, чтобы его били! Вы слышите? Я не хочу!..

Махно с любопытством взглянул на девочку. Но без чувства благодарности: она была из другого мира.

– Ну хорошо, хорошо, – попробовал успокоить свою любимицу пан Данилевский. – Уведи ее, Владислав! Не будут его бить, Винцуся! Не будут!.. Василь!

И когда в дверях появился лакей, все еще не избавившийся от петуха, Данилевский сказал:

– Слышишь, эту Махну не бить! Просто в шею его! В шею!..

...А они ждали его в старой кузне: двое Лепетченков, Щусь, Сашко Калашник и брат Григорий. Чуть поодаль, за стенами кузни, в бузине, сидела не допущенная в компанию Настя.

Нестор тихо забрался на развалины и спрыгнул оттуда чуть ли не на головы друзьям.

– Ну шо, Нестор? – спросили они едва не хором. – Отлупили?

– Не насмилылись, – презрительно усмехнулся Махно. – Но с пидпасков турнулы.

– Ну и ладно! Гуляем? – предложил Щусь.

– Гуляем, – согласился Махно.

Нестор через окно вылез из кузни и стал пробираться сквозь заросли бузины. За ним двинулись мальчишки. Немного отстав, плелась и Настя. Надеялась, что на нее не сразу обратят внимание.

– Настя! Додому! – заметив девчонку, приказал Нестор.

– Возьмить с собою! – захныкала Настя.

– Два раза не повторяю.

Настя села на дорогу, стала пересыпать из руки в руку пыль. И при этом провожала взглядом уходивших по улице парней.

Впереди шел Нестор. Шел уверенно, смело, взметая рваными штанинами дорожную пылюгу. Следом шли остальные.

– Яблоки у деда Кырыка уже пробовали? – спросил Нестор.

– Недилю назад ще зелени булы, – ответил Калашник.

– На голодне череве сгодится и дерево!

И Нестор свернул с дороги на стежку, которая вела к дальним, утопающим в зелени хаткам.

...Потом они возвращались, и их пазухи топорщились от ворованных яблок. Надкусывали, кривились от их кислоты, разбрасывали огрызки.

– Слышь, Нестор, а який он из себе, барин? – спросил Иван Лепетченко.

– Чудный. Чи недоумок. С петухом на руках ходит. Як с дитём.

– У них курятник большой, чим наша хата, – сказал Щусь, сплевывая. – Я там в прошлом годе яйца тырил. С той стороны, от ставка, в забори дирка була. Аккурат напротив курятника. Я туда – р-раз, повный картуз яець наберу...

– А счас? – спросил Нестор.

– Шо «счас»? Счас там у них собака.

– А дирка в заборе?

– Не знаю. Може, и осталась.

– Пишлы! – решительно сказал Нестор.

– Ты шо удумав? – испугался Григорий. – Не надо, братка!

– Жрать охота. Яець возьмем. Чи пару курей украдем.

– Не, я не пиду! – решительно заявил Григорий.

– А тебя й не зовуть, – презрительно ответил ему Нестор.

Григорий отстал, тоскливым взглядом провожал приятелей.

Они стремительно шли по окраине села. Переползли через заросшее высоким осотом поле и оказались в тылах господского имения.

Прошли сзади конюшен. Свернули и вышли к длинному ряду невысоких каменных построек, за которыми похрюкивали свиньи, гоготали гуси, шипели индюки. А еще дальше весело переговаривались куры.

Федосий шагнул к самому забору и оказался у дыры.

– Есть!.. Я когдась кураем дирку замаскирував. Не замитылы.

Он вытащил из дыры в заборе пробку, сооруженную из утрамбованных кустов перека-типоля.

– Полизеш? – спросил Нестор у Щуся.

– Не! В прошлом годе еле пролезав. А тепер ще товще став, не получится.

Нестор лег на землю, примерился.

– Попробую... Только собаку надо бы як-то од курятника одманить.

– Як? Даже куска хлиба нема, – сказал Щусь.

– Надо комусь сходить до конюха, побалакать. Ну, там: «Мамка просылы конячку сино перевезты». Чи ще шо-нибудь. Собака уче чужого, обязательно прибежить... Хто?

– Ладно, – согласился Щусь и ушел.

– Постарайся конюху подовше баки забивать, – вслед ему сказал Нестор.

Мальчишки легли на траву, стали ждать. И наконец услышали удаляющийся собачий лай...

Нестор подошел к дыре в заборе, по-кошачьи извиваясь худеньким телом, протиснулся в узкий лаз и оказался в большой загородке для кур. Куры удивленно рассматривали человека.

– Тихо... тихо... – шептал им Нестор.

Он по-хозяйски огляделся вокруг, уже даже выбрал удобную для поимки, забившуюся в угол курицу. Но вдруг заметил большую клетку, а в ней... да, того самого красно-черного английского петуха!

И все! Нестор уже не мог совладать с собой. Он подбежал к клетке, открыл запор. Прирученный барином петух двинулся навстречу Нестору. Он ждал, что человек сейчас раскроет ладонь и на ней окажется горсть проса.

Нестор догадался. Он сгреб с пола горсть мусора, протянул петуху. Тот доверчиво заглянул в ладонь. И это было то последнее, что он видел в своей короткой птичьей жизни.

...Посреди полуразрушенной кузни ярко горел костер. Усевшись вокруг, мальчишки с нетерпением ждали. Над костром на вертеле дожаривался петух.

Потом они разломали его и, облизывая стекающий по рукам жир, стали есть.

– Красивый петух був, а мясо так соби... зубамы не угрызеш, – сказал Щусь.

– Его б в печи. Та с картошкой. Та с укропчиком...

И тут Нестор увидел сидящую под ветками бузины Настю. Она увлеченно играла в камешки.

– Ну шо ты ходиш за нами, Настя? – Нестор протянул ей кусок петушиной ноги. – Погрызи! У тебе зубы остри!

Настя попыталась откусить кусок, но и у нее не получилось. Вернула.

– Сами таке грызить. Воно ж сыре. – И тихо добавила: – Мене ваша мамка послалы.

– Чого?

– Сказалы, шоб вы додому тилькы ночью пришлы. Бо сичас у вас дядько полицай сидять, вас дожидаются.

Глава третья

Нестор пришел домой едва ли не под утро. Тихонько прокрался к окну, поскребся в стекло. Дверь ему открыл Григорий. Он не спал, ждал возвращения брата.

В комнате было сумеречно, едва тлеющий каганец почти не давал света. На всякий случай Евдокия Матвеевна занавесила окошко какой-то тряпицей – с улицы ничего не разглядеть.

– Тилькы недавно пишов з хаты, – сказал Григорий. – При нагани. Сурьезный.

– Це старый Лепетченко. Я його видал. Я за хатою пид грушей чуть не всю ночь просыдив.

– Ну й шо тепер? Може, махнешь на хутор, до Саввы? – спросил Григорий. – А як все наладится, я сообщу.

– Не, про Савву вони враз додумаются. Та й семья у Саввы... сам еле кинци с кинцями сводить. Шо ж я буду его объедать?

Нестор торопливо одевался. Натянул сапоги, накинул домотканую свитку.

– Ну и куда ж ты? – спросила мать, до сих пор молча укоризненно глядевшая на Нестора.

– Выйду за село, доверюсь ногам. Куда-то они мене выведут.

– Господи, ну шо ж ты у мене такой нескладный? Шо ни шаг, то шкода! – стала причитать мать, укладывая в холщовую торбу краюху хлеба и завернутый в тряпицу шматочек сала. – Люди кажут, в Александровски на железный дороги рабочи требуются. И платять там хорошо. Та й сховаться в городи серед людей легше.

– В город не пиду, – твердо сказал Нестор. – Города не знаю.

– Куды ж тоди?

– Може, до нимцив-колонистов...

Они вышли на порог. Мать обняла Нестора, перекрестила его. И он исчез в предрассветной мгле...

...Немецкая колония Ноендорф понравилась Нестору своей ухоженностью, чистотой и ничем не объяснимой приветливостью. Правильные улицы, правильные дома из жженого красного кирпича, с хозяйственными строениями под общей с домом черепичной крышей. Крашенные ставни с сердечками. Аккуратные дворики. Типичное сообщество меннонитов в приазовских степях.

И работу он нашел сразу. Первый же встреченный житель колонии, солидный немец с тяжелой золотой цепочкой на груди и пенковой трубкой в зубах, внимательно оглядев его, спросил:

– Ищешь работу, симпатише юнге?

– Ищу.

– Что умеешь?

– А все, – не моргнув глазом, ответил Нестор.

Немец с сомнением смерил взглядом Нестора, сказал:

– Гут! Будешь делать все... все, что я скажу!

Нестор ведрами таскал теплое пойло в скотный сарай. Рубил хворост на топку для летней печи. Собирал в ведро на улице кизяк. Чистил коровник. Носил навоз в компостные ямы и утапывал его босыми ногами.

И так изо дня в день.

На лице его не просыхал грязный пот. И оттого на исхудавшем лице стали еще больше выделяться глаза, горящие взрослой ненавистью.

Через две недели Нестор пришел к хозяину попросить немного денег.

Хозяин неторопливо закурил трубку, положил перед собой счеты и стал сосредоточенно щелкать костяшками. Перед ним лежали бумажные коричневые рубли, медные и серебряные монеты.

– Проспал два раз... – Хозяин отложил из кучки монет два гривенника. – Мешанку плохо мешать. Болел поросят... – Отодвинул в сторону еще гривенник. – Все уменьшалась и уменьшалась кучка монет – доля Нестора. Рубли пока оставались на месте. – Выражал нехороший слово... два... нет, три раз...

Нестор схватил со стола всю стопку денег, приготовленную для него, но таявшую на глазах, и выскочил во двор. Кинулся за хозяйственные постройки. Уперся в забор. Ударил по нему так, что штакетины разлетелись в стороны. Его рубаха пошла полосами, тело покрылось царапинами и ссадинами.

От поселка рванул к лесочку...

А за ним – тяжелыми прыжками – мчался огромный, откормленный хозяйский пес. Нестор чувствовал, он вот-вот нагонит его. Он уже слышал за спиной тяжелое и злое собачье дыхание.

И тогда он резко остановился, обернулся. Лицо в крови, рубаха разодрана. Он был готов сразиться с псом. Хоть насмерть.

И пес застыл. Ворча, стал пятиться назад...

Потом он две недели проработал в греческой колонии Дерменджи. Крутил рукоятку веялки. Обороты были ему не по росту, приходилось слегка подпрыгивать. Из кожуха веялки летела полова, острые остюки забирались под одежду, застревали в волосах. Глаза заливал пот...

Через день хозяин перевел его на другую работу.

Крепкие рослые парни цепами молотили снопы. В ряд с ними поставили и Нестора. Работа требовала определенных навыков. Каждый должен взмахнуть держателем так, чтобы взлетающий вверх и чуть в сторону киец не задел соседа и четко лег на осыпавшийся зерном сноп.

Это – музыка, ритм, танец. Не выйти вперед и не отстать!

Нестор пытался попасть в лад, в котором работали остальные. Он старался и оттого уставал. Начиная сбиваться. Да и роста ему не хватало. Чтобы дотянуться кийцом до снопа, каждый раз нужно было делать шаг вперед.

Краем заплывшего от пота глазом Нестор видел, как посмеивается пожилая гречанка, развязывающая перевясла с очередного снопа.

Та-та-та-та!..

Но постепенно этот ровный ритм стал нарушаться.

– Эй, Папа Ионакис! Убери пацана! – крикнул хозяину один из рослых работников. – Не ровен час, и его самого вымолочу, як сноп!

...И вновь Нестор был в пути. На одной из дорог встречный парень посоветовал ему идти в еврейскую колонию Ново-Ковно. Там, сказал он, хорошие люди. Может, платят не слишком щедро, но и не обижают. С голоду там не пропадешь, правда, и сыт не будешь. Но за стол садятся все разом, это уж точно.

И через два дня с пустой котомкой за плечами Нестор шел вдоль широкой пыльной улицы Ново-Ковно.

Дома здесь были одинаковые, «казенные», саманные, низенькие, с маленькими окошками. Чаще на две семьи. Кое-где между домами можно было заметить и землянки, едва возвышающиеся над землей. Стены тоже из самана. Крыши главным образом крытые камышом.

В этом же уличном строю, но несколько особняком, стояли хаты удачливых колонистов, с торговыми лавками и шинками. Но и у них был какой-то обиженный вид. Словом, все говорило о том, что здесь вряд ли можно найти хороший заработок.

Заметив у одного из дворов хозяина, Нестор свернул:

– Шо, дядя, вам работник не нужен?

Хозяин обернулся, крикнул в глубину двора:

– Фая! Как, по-твоему, нужен нам мальчик в нашем хозяйстве?

– Для начала надо занять хозяйство, – донеслось со двора.

Из-за плетня на Нестора уставились с десятков мальчишек. Всех возрастов.

– Я тоже так думаю. – Хозяин указал на облепившую забор мелкоту. – Своим бы дать работу. Чтобы они держались за нее зубами. По крайней мере, тогда у них хоть рты были бы закрыты.

...Возле другого дома старый еврей в ермолке и траченном молью лапсердаке спросил у Нестора:

– А что ты любишь работать, юнге менш?

– Все.

– Но что ты любишь больше всего?

Это был неожиданный вопрос, над которым Нестор до сих пор не задумывался.

– Ну... сапожничать люблю.

– Умеешь? – удивился старый еврей. Он не коверкал слова и имел ученый вид. Это Нестору понравилось.

– Сосед был сапожник – научил.

– И перетяжку можешь?

– И перетяжку.

– И обсоюзить сумеешь?

– И обсоюзить.

– Хороший у тебя сосед. Я тоже это люблю, – мечтательно произнес старик. – Но у нас здесь много сапожников. Через дом – сапожник. И через три дома – опять сапожник... Знаешь, юнге менш, иди в Новосербию. Там они осенью отправляют в Пандурский полк своих молодых людей, и сейчас самое время, когда им шьют сапоги. Туда в эту пору отовсюду приходят сапожники, и всем находится работа... Новосербия – это совсем недалеко. Всего каких-нибудь двести верст. Ты такой молодой, юнге менш. Разве ты не сможешь пройти двести верст?

Ему нужна работа. И он сможет пройти двести верст!

...Он шел босиком, накрывшись рогожкой. Развалившиеся сапоги повесил через плечо, за спиной болталась тощая котомка.

Осень. Моросил дождь. Шлях раскис.

Босые ноги месили грязь.

На седьмой день он добрался до бывшего военного поселения «Третья рота» под Елисаветградом. Быстро нашел работу. Но и там надолго не задержался.

Поздней ночью при свете керосиновой лампы Нестор тачал сапоги. Его хозяин спал на лавке, под кожухом.

Но вот глаз хозяина приоткрылся, он долго незаметно наблюдал за Нестором. И затем решительно выскочил из-под кожуха – худой, в свисающем исподнем – и набросился на Нестора.

– Ты зачем мое лучшее шевро взял, змееньш? – Он выхватил из рук Нестора заготовку. – Что? И переда уже раскроил? Такие маленькие?.. Кому сапоги? Своей девке небось? Из моего лучшего шевра?

Хозяин оглянулся по сторонам, схватил деревянную колодку, замахнулся.

Но Нестор выставил ему навстречу остро заточенный рантмессер.

– Не трожь, – тихо, но угрожающе сказал он. – Слова говори, а рукам волю не давай. Не то отхвачу по сами плечи!

Он ушел со двора с тем, с чем пришел. Без заработка, но со злым огнем в глазах. Он вступил во взрослый мир и понял, что это жестокий мир.

Глава четвертая

Весной Нестор вернулся в Гуляйполе и почти сразу же поступил на чугунно-литейный завод Кернера.

Управляющий во время утреннего доклада хозяину упомянул и парнишку, принятого в ваграночный цех, назвал фамилию.

– Я отца его знал, – вспомнил Кернер. – Конюхом у меня служил. Специально для поездок в губернию его держал. Уж аккуратист был, коней любил, панские секреты умел держать, царствие ему небесное.

– От доброго дерева и доброе семя, Мойсей Наумович, – заметил управляющий.

– Но пьянствовал, – добавил хозяин. – Кто знает, какое будет семя от такого дерева?

– Так, может... того... гнать в шею?

– Зачем спешить? Возьмем на временную!

И Нестор стал осваиваться в литейном цеху. Цех был огромный и сумеречный: закопченные оконные стекла почти не пропускали дневной свет. К тому же здесь было нестерпимо горячо из-за пышущих жаром вагранок.

– Обвыкай! – кричали рабочие, скаля белые зубы.

Нестор подхватывал опоку с формовочной смесью, в которую только что залили металл. Это пуда три-четыре...

– Двигай шибче, подавай ловче! – покрикивал молодой литейщик Андрей Семенюта.

А на подходе уже была следующая опока...

– Бегом, малятко! Бегом!

Нестор раскрывал раму опоки. И рабочие-слесари слаженно и дружно подхватывали заготовку длинными мощными клещами.

Один из слесарей, оглядев тщедушную фигурку Нестора, посоветовал:

– Ты, пацанчик, кушак потуже затяни: пупок надорвешь!

– Мий кушак – мий пупок! – огрызнулся Нестор.

Сиплый гудок возвестил о перерыве.

После унылых цеховых сумерек на заводском дворе было празднично от яркого солнца. У стен цеха в ряд стояли еще не докрашенные конные молотилки.

Рабочие расположились на обед в тенечке, на лоскутке травы.

– Давай до компании! – позвал Нестора Андрей Семенюта.

– Не хочу, – отказался Махно. – Я уже поел.

Конечно же, Нестор хотел есть. И торба его была пуста. Но и уронить достоинство он не хотел.

– Иди, иди! Не стесняйся. Мне съодни случайно на двоих положили.

Семенюта обнял паренька, силком привел в круг обедающих. Андрею было года двадцать два, и он казался Нестору старым, много прожившим.

На траве была расстелена тряпица, и на нее выкладывали кто чем богат. Перекрестились не все. Приступили к обеду.

– Видал, всем хватает, – указал на импровизированный стол Андрей. – А ты, чудак-карь, не хотел.

– Так бы и жили люды, – сказал угрюмый литейщик. – У кого шо есть – до кучи. И все были б сыты. Бог, он же на всех поровну всего дает. Як думаеш, малятко?

– Я-то согласный... Вы у нашего хозяина, у Кернера, спросить, – посоветовал Нестор. – Шо його Бог думает?

Все засмеялись.

– Молодец, пацан! Колючий! – одобрил угрюмый литейщик.

К обедающим подошел длинноволосый человек в парусиновом картузе.

– Мир честной компании! – сказал он.

– Присаживайся до столу.

– Уже покормили, – отказался незнакомец и склонился к Семенюте. – Приходи пораньше.

Поможешь кое в чем.

– Что сегодня?

– «Сагайдачный».

– А после?

– Как всегда. – И незнакомец обернулся к Махно: – Простите, вас, кажется, Нестором зовут?

– Ну, Нестором, – удивленно и не очень дружелюбно отозвался Махно.

– Спасибо хочу вам сказать. Здорово вы меня тогда выручили.

– Обознались, наверно. Я вас первый раз бачу.

– Второй, – заулыбался незнакомец и протянул Нестору руку. Нестор подал. И тот легко поднял его от самодельного стола. Отвел в сторону. – А теперь? – Предварительно оглядевшись по сторонам, он вынул из кармана пучок волос на резинке – фальшивую бороду – и прицепил ее к подбородку.

Теперь Нестор и впрямь узнал этого человека. Это за ним не так давно гналась полиция, и Махно выручил его, дав коня.

– Здорово! – Нестор указал на бороду. – Прямо не узнать.

– Тогда мне надо было, чтоб не узнали, – улыбнулся незнакомец. – Спасибо вам за коня.

От смерти, можно сказать, спасли. Я этого не забуду.

– Та чого там! – смутился Нестор. – Не подарив же коня. На время дав.

– Дорого яичко ко Христову дню, – сказал незнакомец и, аккуратно свернув фальшивую бороду, спрятал в карман. Подумал. – Вот что! Приходите и вы к пяти часам в театр. Вам будет интересно. Семенюта вас проведет! А может, и сыграете у нас. – И уточнил: – Как артист.

– Та шо вы! Я не сумею.

– Научим. Я вижу, у вас получится. Вон какие чертики в глазах!

Сразу после работы Нестор сбегал домой, переоделся и вновь, порядком запыхавшись, прибежал к проходной. Там его уже ждал Семенюта. Они прошли на территорию завода, обошли литейный и сборочный цеха и оказались возле длинного двухэтажного дома. Над дверью висела фанерная вывеска с надписью красивыми буквами: «*Народный театр при заводе М. Кернера*».

У двери толпилась молодежь, но было и несколько пожилых мужчин. Все вместе они вошли в дом, поднялись на второй этаж.

Нестор, как и все, тоже хотел идти в зал, но Андрей попридержал его:

– Нам сюда, в гримерку.

Они прошли узким коридором. Им навстречу то и дело попадались наряженные в старинные украинские одежды девушки с венками в волосах. Важно прошествовали двое казаков в полной амуниции, с саблями. Махно даже замер на миг. У одного из казаков Семенюта спросил:

– Что, Вольдемар уже пришел?

– Туточки. В мужеский гримерци.

Там, в гримерке, они и нашли Вольдемара Антони, того самого незнакомца, которому Нестор ссудил коня. Он сидел у столика напротив большого зеркала. На столике лежали тюбики с красками, щеточки, кисточки, флакончики, из картонной коробки торчала какая-то пакля. Как позже узнал Нестор, то были самые разные парики, бороды и усы. Антони был одет в богатую казацкую одежду. Булава и бунчук лежали возле зеркала. Он гримировался.

– Сегодня у нас гости из полиции. Пойди, Андрюха, посмотри, чтоб все там было нормально, – попросил Вольдемар, после чего обратился к Нестору: – А вы садитесь вот здесь, наблюдайте! Это такая наука, что не только в театре может пригодиться. Был лысый – стал кудрявый, был молодой – стал старым...

И Антони примерил, а затем и приклеил красивые казацкие усы.

– А когда вы з бородой, то од полиции? – спросил Нестор.

– Случается, и от полиции. Разные случаи бывают... – Вольдемар уложил кружком на голове свои длинные волосы, а сверху натянул на них «лысый» парик с казацким оселедцем. – Вот теперь я, видите, настоящий казак.

– Здорово! – восхитился Нестор.

– Так как, попробуете себя в театре?

– Шуткуете? Який з мене артист?

– Из-за роста, что ли? Так в театре разные роли есть. Вот, скажем, вы бы могли свободно Красную Шапочку сыграть. Слыхали такую сказку? Мы как раз готовим детский спектакль.

– Та не, шо вы! В девчачье одеваться? Все Гуляйполе смеяться будет.

– Наоборот, зауважает. Если, конечно, хорошо сыграть... Или Кота в сапогах. Замечательная роль.

– Ну, кота... кота можно...

В коридоре кто-то прошелся с колокольчиком. Позвонил.

Антони поднялся, взял бунчук и булаву, вышел из гримерки. Звеня саблей и удобнее прилаживая на голове гетманскую шапку, отороченную мерлушкой, с двумя павлиньими перьями, он зашагал по коридору. Величаво обернулся и царственно приказал звонившему:

– Федор! Заберешь молодого человека, проводишь за кулисы!

Нестор не верил своим глазам: это уже был не Вольдемар Антони, а самый настоящий гетман Сагайдачный. Перья на его шапке сияли радугой.

...Поздно вечером Нестор вернулся из театра домой. Был он перевозбужден, хотелось ещё с кем-то поделиться увиденным. Но оконце светилось тускло, от лампадки – и он понял, что все уже спят.

Он уселся во дворе на скамейке, глядел на звезды, мечтал о чем-то неясном, но добром и светлом. Вообразил, что к ним во двор вдруг вошел сам Сагайдачный, точь-в-точь такой, каким он его видел в театре, и сказал громовым голосом:

– Шо ж ты, пацан, живешь на свете, як трава? Шелестишь себе под ветром, никому ниякой пользы. Придет осень, смахнут тебя косою – и все. Вроде и никогда не было тебя... Не, брат, так жить нельзя.

– А як?.. Як жить? – спросил бы он у настоящего Сагайдачного.

Ничего не успел ответить ему гетман, потому что на порог вышла мать: видно, сердцем почуяла, что младшенький сидит в одиночестве. Заметила Нестора, удивилась:

– Чого в хату не йдеш?

– Думаю, мамо.

– Ну й шо надумав?

– Поканичого. Но шось придумаю. Шось таке...

– Ну и иды в хату. Гришка уже давно спыть.

Нестор тихонько вошел в хату, стал раздеваться, шепотом, чтобы не разбудить широко разметавшегося на лежанке Григория, сказал:

– Я съодни, мамо, в театри був. У нас на заводи. Про козаков показувалы, про гетьмана Сагайдачного.

Мать, скрестив руки, слушала сына, в темноте светились ее участливые, добрые глаза.

– В яки походы ходили, в яких битвах участвовали! От люды булы! – восторженно говорил Нестор.

– Чого ж це – «булы»? И сейчас есть. Хиба шо в одеже другой.

– Не! Таких тепер нема!

Проснулся Григорий, положил голову на ладонь, тоже стал слушать.

– Ваш прадед Матвей козаком був, – рассказывала мать. – И диды ваши тоже, считай, козаками булы. Один дид, правда, на отруб пишов...

– Як це – «на отруб»?

– Ну, котори казаки выказали пожелание жениться, йшли з Хортици. А все равно до козакив булы прыписаны. Навечно.

– О, бачите! Тилькы прыписаны!

– Так козаками ж!.. И папанька ваш Иван Матвеевич, царство ему небесне, до самой своей смерти козаком себе считав. И вы, як хочешь суды, а тоже казаки.

Мать присела на лежанку возле двух своих сынов – Григория и Нестора:

– Кров-то в вас все та ж тече, козацька. Дав бы тилькы Господь в битвы з басурманамы вам не ходить!..

– Як же це, мамо? Козак без бытвы? – спросил Нестор.

Мать только вздохнула. Словно чуяла что-то грозно ворочающееся вдали, в темноте. Чуяла, но не понимала.

Глава пятая

На окраине Гуляйполя, среди густых зарослей сирени, стояла одинокая, соломой крытая хатка. Туда и пришла утром босоногая компания под предводительством Нестора. Настя тоже увязалась за ними, но они ее прогнали, и она шла, отстав, сзади, и так же далеко остановилась, когда они направились к хатке.

Нестор мягко и ловко перепрыгнул через плетень, приблизился к окну, прикрытому ставнями, постучал. Никто не отозвался. Хотя вроде бы за стеклом мелькнула чья-то тень.

Затем стукнула задвижка, и на пороге встал Вольдемар Антони. Одну руку он почему-то держал за спиной.

– А мы до вас, – сказал Нестор.

– Да уж вижу, что не до пана Кернера. – Антони постарался сунуть за пояс наган, который держал в руке за спиной, но, перехватив взгляд Нестора, пояснил: – Так. На всякий случай... Проходите!

Гуськом один за другим они прошли через сени в просторную горницу. Комната была почти пуста: стол, дубовая лавка и самодельная этажерка из лозы у стены. На столе и на этажерке стопками высились книги.

– Ух ты! – восторженно выдохнул Нестор. – Тут их, мабуть, штук пятьдесят!

– Любите книги? – спросил Антони.

– У мене их мало. Про Грицька Нечая и ще ця... про превращение купца Пузанчикова в пуделя. – Нестор подошел к столу, дотронулся до одной из книг, медленно прочитал название: – Ис-то-рия... ин... ин-кви-зиции... Про шо це?

– Ну, это как люди мучают друг друга. За веру, за убеждения, просто за слова. Так мир устроен. Века проходят, а ничего не меняется... Ис-то-рия!

Присмирившие мальчишки уселись на длинную лавку, пригладили волосы.

– Ну, излагайте! – сказал Антони.

– Та от... тоже в артисты хотять... Прыйшлы записаться.

Антони улыбнулся:

– В артисты? А зачем?

– Шоб, если надо буде, старым дидом прикинуться чи там дивчиной.

– Мгм... Пока только один артист нужен: вы, Нестор. Но... – Антони внимательно взгляделся в лица мальчишек, – ...но помощники нам постоянно требуются. Особенно те, которые умеют держать язык за зубами.

– Я за них могу поручиться! – запальчиво сказал Нестор. – За каждого. Не пидведуть.

– Ну, что ж... Серьезное поручительство.

– Так шо прикажете делать? – спросил Федосий. Ему не терпелось действовать.

– Прикажу... ждать. Понадобитесь, позову.

А на улице, неподалеку от калитки, сидела Настя, ждала. Коротая время, подбрасывала и ловила камешки, пересыпала из ладони в ладонь дорожную пыль...

Спустя несколько недель Нестор уже настолько освоился в театре, что, когда не было Антони, вместо него командовал рабочими. Знал все: когда и куда поставить ту или иную декорацию, когда во время спектакля зажечь факел и изобразить пожар, когда пальнуть в воздух из самодельного пугача, а то и из двух, словно за сценой идет яростный бой...

А сам тихонько репетировал роль Красной Шапочки.

И наконец он пришел, тот день, которого так ждал и так боялся Нестор. Еще с утра на сцене расставили разрисованные фанерные деревья, изображающие лес.

В зале собиралась детвора. Сквозь шелку в занавеси Нестор всматривался в лица. Мелькнула где-то там и Настя, которую он пригласил на пьесу еще за неделю. Когда они оставались одни, без приятелей, он не гнал ее от себя. Напротив, мальчишке были приятны ее восхищение и покорность. Вот уж будет благодарный зритель!

Ударили в кусок рельсы, висящей в кладовке, один раз... второй...

Руки Нестора затряслись, голос стал тонким и дребезжащим, лицо испуганным.

– Ну, что ты, парень? – заметив, что Нестора охватил страх, хлопнул его по плечу Антони. Он в пьесе изображал охотника. – Это ж все понарошку. А если до настоящего дела дойдет, тогда как?

И ушел, оставив Нестора одного.

Третий раз прозвенела рельса. Андрей Семенюта, стоявший на занавесе, весело поглядел на Нестора, подмигнул ему, подбодрил. Нестор улыбнулся в ответ и кивнул.

Пополз в стороны занавес...

По сцене шла дивчинка в красном капоре, с корзинкой в руках. В ней зрители с трудом могли узнать Нестора.

Навстречу Красной Шапочке двигалось нечто. При большой доле фантазии можно представить, что это Волк. Во всяком случае, на голове у артиста была волчья маска и сзади болталось серое мочало, которое следовало принимать за волчий хвост.

– Куды ты идеш, Красна Шапочка? – сладким голосом спросил Волк.

– Иду... як це... ну, до бабушки йду. От... – Нестор забыл текст и изо всех сил пытался его вспомнить. – В село йду.

– И несу бабушке пирожок, – шептал суфлер так, что слышал едва не весь зал. Но только не Нестор.

– Я и кажу, до бабушки йду, – невпопад продолжал Нестор. – А шо?

– Скажи, Красна Шапочка, а шо там у тебе в корзинке?

– А шо там? – Нестор заглянул в корзину и вдруг вспомнил, что он должен играть и что говорить. – Мамка, значиться, пироги напекла... з пасленом и абрикосами. Ну и це... горшочок масла натопыла. И каже, отнесы, мол, до бабушки. А то помре стара з голоду. А мамка сама не може. Заболела, чи шо?..

... Тем временем у входа в театр сидели Лепетченки, Щусь, Калашник и Семка Каретников.

– Вам в театр? – спрашивали приближающихся к ним парней и девчат.

– Не, на репетицию.

– Ну, тоди вам туды, за угол. Пройдете по переулку, там вам покажут, – направляли мальчишки.

... А на сцене несколько изменилась декорация. Фанерные деревья остались. Но посреди сцены возникли большая кровать и лавка. На кровати лежал накрытый лоскутным одеялом Волк, его живот высоко вздымался.

– Положи, внученька, пирожки поблыжче до мене, на лавку. И горшочок тут же поставь, – сказал Волк. – Шо там у тебе в горшочку?

– Масло.

– Масло?.. Ох!.. Так, як я люблю масло, його никто так не любить.

Красная Шапочка стала выставлять все из корзинки и при этом внимательно присматривалась к Волку.

– Бабушка, бабушка, а шо це у вас таки здоровенни вуха?

– Ну як же! Шоб лучшее тебе слухать, дитя мое.

– А глаза у вас чоги таки здоровенни, прям як пятакы?

– А шоб лучшее тебе бачить, дитя мое.

– Ну а зубы у вас, бабушка, чого таки вельчезни?

– Зубы? – Волк перешел почти на шепот. – Зубы у мене, внучка, таки для того... – И громко закончил: —...шоб скоріше тебе съест, дитя мое!

Зал ахнул. Кто-то из детей во весь голос заплакал.

Волк вскочил с кровати и с видом злодея навис над Красной Шапочкой. Она в испуге попятилась.

И тут на сцене появились охотники с деревянными ружьями. Они схватили Волка за лапы, распотрошили его тряпичный живот. В этой суматохе в толпу охотников незаметно проскользнула актриса, играющая Бабушку. Она стала радостно плясать.

Связанного Волка охотники повели по сцене.

Заключительная сцена была режиссером не предусмотрена: Красная Шапочка неожиданно разбежалась и изо всей силы ударила носком сапога Волка промеж ног. Волк упал и стал совсем натурально корчиться от боли, кататься по полу и вопить:

– Куда ж ты бьешь, зараза! Ничо-о! Погодь! Я тобі, гад, це запомню!

Но никто, кроме участников спектакля, не слышал этих слов. Зал был убежден, что концовка спектакля так и задумывалась – и взорвался бурными аплодисментами...

А потом Нестор сидел на табурете перед зеркалом, тщательно стирая с лица грим и превращаясь из миловидной Красной Шапочки в хулиганистого подростка... Снял парик... Скорчил злую рожу, удивляясь своему изменению, которое произошло так быстро и чудесно.

За спиной Нестора колдовал перед треснутым зеркалом Антони, недавно на сцене изображавший охотника. Не оборачиваясь, он разговаривал с новоиспеченным артистом:

– Ну что, страшно было?

– Страшно! Люды перед тобой. Очи, очи! А ты як голый... Знаете, я раньше думав: артист – це так себе... А оказывается, артист – це ого-го! У мене в голови так от страха заколодыло, шо вирыте, ни, як перед пулеметом.

– А вы перед пулеметом стояли?

– Ни. Но представляю.

– У нас сегодня еще и репетиция. Пойдете? Очень советую. Интересно будет.

– А шо за пьеса?

– Великолепная пьеса. Если хорошо отрепетировать, может получится грандиозный спектакль.

– «Грандиозный» – це як?

– Ну... великий спектакль. Важнейший. Может, даже – мировой.

– Може, и для мене яка-то роль случайно найдеться?

– Вполне возможно! Даже наверняка! Не исключаю, что и главная. Жизнь, знаете, любит шутки шутить. – И Антони расхохотался. Потом окликнул Семенюту: – Андрей! Возьмем с собой нашу Красную Шапочку!

Все вместе они вышли во двор, где все еще никак не могла разойтись после пьесы детвора. Пошли по улице.

– А куда мы идем?

– В Союз бедных хлеборобов.

– Це шо? Вроде собрания?

– Вроде.

Свернули, пошли глухим переулком. Семенюта время от времени оглядывался по сторонам.

– Я був на одном таком. Книжки читалы. Тоска.

– Нет, тут другое. На таком ты не был.

Они вышли на самый конец Гуляйполя, направились к стоящей на отшибе хатке. На лавке возле хаты сидели девчатки. Пели. Должно быть, караулили, чтоб на собрание не прошел кто-то незваный. Скользнули взглядом по Семенюте, Антони. Узнали. Продолжили петь.

Ах, как гарно пели девчатки в предгрозовом девятьсот третьем!..

«Репетиция» проходила в этой же хатке. Посреди пустующей «залы» кроме стульев и колченого стола ничего не было. Зажгли большую висячую керосиновую лампу. Она горела копотно и неровно.

Вечер был пасмурный, слякотный, окна уже стали черны. Публика в зале – все больше мужики и молодые парни. Покашливали. Кое-кто курил в кулак, кто-то тихо лузгал семечки, пряча шелуху в карман. Шапки засунуты под полы домотканых свиток, полушубков.

Нестор углядел здесь и своих друзей. Они тоже увидели его и жестами позвали. Но Семенюта, который усадил Нестора рядом с собой, сжал его руку и к компании не отпустил.

– ...Мир возник из хаоса, то есть из беспорядка. – Антони начал неожиданно. Видимо, это было продолжение не сегодня начатой беседы. – Значит, хаос был когда-то присущ мирозданию. И мы должны вернуться к нему, чтобы создать затем свой, новый мир. Мир без унижения, без подчинения одного другому, мир без богатых и бедных...

Антони стоял «на сцене», но совсем близко от них. Над его головой коптила шестилинейка. При свете, падающем сверху, Антони и вовсе казался демоном: горбонос, смугл, худ, с огромными глазами, упрятыми в глубокие глазницы. Длинные выющиеся волосы ниспадали на плечи, колебались при каждом движении головы.

– ...«И последние будут первыми». Слова Писания верны. Только наше оружие – не смирение, – энергично говорил Антони. – Наше оружие – бомба. Пуля. Без крови не разрушить то, что власть именует «порядком». Кто нам мешает – подлежит безжалостному уничтожению.

– Вольдемар Антони, – не скрывая восхищения, прошептал Семенюта. – Говорит, як по книжке читает. За границей учился.

– Он шо, не наш? – спросил Нестор.

– Чех, кажется. Чи итальянец, точно не знаю.

– А говорить почти як гуляйполець... А чога вин такой патлатый?

– Анархист. Настоящий, – тихо пояснил Семенюта. – Булы когдась в Италии таки люды.

– Шось чув. Чи в якийсь книжци читав. Розбойныки.

Семенюта усмехнулся:

– Глупости. Гарибальди и его товарищи боролись за свободу. Ще в самом начале, в юности, они дали клятву: не стричься, пока не освободят Италию. Так же, должно быть, и анархисты...

Антони между тем, поглядев на беседующих, спустился со сцены, двинулся вдоль скамеек. Остановился возле Махно.

– Так, говорите, Нестор Иванович, страшно было?

– Сперва, в перви минуты, сыльно страшно, – признался Нестор. – А потом – ничего. Пообвык.

– Это всегда так! Сперва страшно, а потом ничего, привыкаем. – Антони двинулся дальше, продолжая начатую беседу. – Вот они там. – Он указал куда-то вверх. – Они поначалу не без страха грабили нас. А мы молчали. Привыкли! Грабят, а мы уже по привычке молчим. Боимся их, что ли?

– Та ни!

– Не боимся, – взметнулся десяток голосов.

– Но ведь молчим. И они уже абсолютно уверены, что мы и год, и десять, и сто лет будем молчать. Они абсолютно уверены, что установленный ими несправедливый, грабительский порядок будет существовать, пока на земле светит солнце. Судите сами, разве отдаст вам добровольно помещик землю? – Антони перешел на близкую всем собравшимся тему, и слу-

шатели отвечали ему одобрительным гулом. – Разве заводчик отдаст вам созданный вашими же руками завод? Разве нефтяной король отдаст скважины? А ведь и земля, и ее недра дарованы Богом всем людям на земле. Всем поровну. Все богатства земли принадлежат вам... Но разве исправник поддержит вас, а не помещика? Разве попы пойдут за вас против пристава или жандарма?

Он смолк, дал им отшуметь. И когда стало немного тише, с задних рядов поднялся пожилой батрак Юхым Беба.

– Ты, товарищ, у всемирном масштаби очень понятно усё разъяснив, – обратился он к Антони. – А не можешь чуток попонятнее про нашу новую жизнь в масштаби, скажем, того ж Гуляйполя? Якою она будет в светлом анархицком будущем?

– Это непростой вопрос. В двух словах не объяснить, – слегка подрастерялся Антони.

– Да чего там! – бросился на выручку товарищу Семенюта. – От ты, Юхым, счас як живеш? В говне. С головы до ног. А тогда будешь сплошь в золоте!

– Це ж як? Откудова ж його столько визьмется? – засомневался Юхым. – Золота.

– У царя отберем, у помещиков, капиталистив – и розделим. Шоб всем, значиться, поровну!

– А-а, ну, в общем, понятно, – согласился Юхым Беба и сел.

Закончил свой доклад Антонии как гвоздь в доску вколотил:

– Насчет будущего еще поговорим. Его нам на блюдечке не поднесут. Надо самим это самое будущее добывать! А для этого нужен огонь! Только огонь! Уничтожающий и очищающий!

Собрание кончилось, люди неспешно расходились. Антони вновь подошел к Нестору:

– Ну и как, Нестор Иванович?

– Та боже мой! Я про все це, бувало, думав. Не так складно, конечно. А вы – як по пысаному. И все – в точку! Все – в точку!

– Фамилия-то у вас какая? – спросил Антони.

– Махно.

– Звучная фамилия, – одобрительно произнес Антони. – Прямо как пуля! Мах-но!

Он подошел к окну, взял с подоконника какую-то книжечку, вернулся:

– Что читать вы умеете, Нестор Иванович, мы уже знаем.

– Не дуже. Кой-як.

Антони протянул Нестору тоненькую брошюрку:

– Рекомендую прочесть эту книжицу. Буквы здесь большие. Читается не без интереса. О Емельяне Пугачеве. Тут же и его манифест... Надеюсь, вам понравится.

– А манифест – це шо?

– Программа, можно сказать.

– Программа?

– Ну, размышления Пугачева о том, чего он хотел... его взгляды... Он ведь только при-творялся, что из царей, а сам был настоящим мужиком, крестьянином. И о крестьянах много думал, как облегчить им жизнь.

Нестор взял в руки брошюрку, взвесил ее на ладони.

– Тонюсенька, – удовлетворенно сказал он. – Совладаю.

Глава шестая

– Жа-лую вас, мо-их под... под-данных... зем-ля-ми, во-да-ми...

При свете тусклого каганца, в одном исподнем, Нестор сидел на лежанке и, медленно шевеля губами, читал по складам.

Григорий, завернувшись с головой в одеяло, спал.

– ...Сви... свинцом и по-ро-хом, как вы же-лали. И пре... и пребывайте, как степ-ные зве-ри...

Какое-то время Нестор задумчиво смотрел перед собой, тихо повторил:

– И пребывайте, як степные звери... Грыць! – затормошил он брата. – Грицько! Ну, прос-ньсь!

– Шо тобі? – сонным недовольным голосом спросил Григорий, высунув голову из-под одеяла.

– Послухай!

– Утром.

– Ты ж все равно вже проснувся. Слухай.

– Та читай уже! Только поскоріше. Бо спать хочется.

– Слухай! Это ж сам Пугачев манифест напысав: «Жалую вас, моих подданных, зем-лями, водами, лесом, жительством, травами, реками, рыбами, хлебом, законами, пашнями, телами, денежным жалованьем, свинцом и порохом, как вы желали. И пребывайте, как степ-ные звери»!..

– Це як же – «як степные звери»? – не понял Григорий.

– Ну, в том смысле... будьте вольни, як степни звери. Ни царя над вами, ни пана, ни попа.

– И даже без царя? – удивился Григорий.

– И без царя.

– Як же тоди «як степни звери»? – возразил Григорий. – У зверив и то царь есть. Лев.

– Нема у зверив ни царив, ни власти. Нихто у них ни над ким не властует, нихто никого не гнобить. От Пугачев и говорить: люды, живить и вы, як степни звери: без царя, без пана, без попа. Здорово!

– Дочитається! До тюрмы! Без царя, без попа! Тьфу! – раздался из дальнего закутка голос матери. Она прошла к столу, погасила каганец. – Спать! Од таких разговорив одна дорога – в разбойныки!

В хате было темно. Лишь тусклый свет лампадки освещал лик Богоматери. И тихо шеп-тала молитву мать.

...На следующий день Нестор пришел к Антони. Постучал. Дождался, когда выйдет хозяин. Протянул книжечку:

– Ось. Спасыби. Прочитав.

– Так быстро?

– Хороша кныжка. Учительна!

– Все хорошие книжки обязательно так и пишутся, чтоб человек чему-то учился, – сказал Антони.

– Я хотив у вас спросить, дядя... э-э... Вольдемар Генрихович.

– Называйте меня просто Вольдемаром. Можно Антони. Без «дядя».

– Не, так я не могу. Бо вы старши.

– Ну, это не принципиально. Так о чем вы хотели спросить?

– Скажите, не могли б вы мени дать таке, як у вас... шоб за поясом... чи в кармани...

– Наган, что ли?

– Може, шо поломате. Я отремонтирую. Я умию.

Антони долго пристально смотрел на Нестора.

– А зачем?

– Ну, як прийде таке время, о яком вы рассказували... так шоб готовым быть... А пока шоб научиться. – И Нестор торопливо добавил: – Не, вы не подумайте. Я вас не пидведу. Де взяв и все таке – могила!

– Ну что ж... – задумчиво сказал Антони.

Он размышлял. Не мог сразу решиться. Но какие-то его мысли перевесили в пользу просьбы Нестора. Может, воспоминание о той ночи, когда Нестор спас его.

– Ну, что ж! Может, и найдется что-то по вашей руке.

Они прошли в сарай. Антони сбросил с дровней несколько досок, достал из подпола тяжелую жестяную коробку, открыл. В коробке лежали какие-то свертки.

Антони взял один, развернул промасленную тряпицу. Это был надежный армейский кольт.

– Это вам, пожалуй, подойдет. Поменьше, к сожалению, ничего нет... С собой не носите.

– Це й кози понятно, – послушно согласился Нестор. – На сколько шагов може убыть?

– На сотню, без сомнения, – ответил Вольдемар. – Ствол, видите, длинный. Калибр сорок пять... Без дела в ход не пускайте... И любите! – В ответ на недоуменный взгляд Нестора пояснил: – Я имею в виду, конечно, оружие. Чистить. Смазывать! Холить и лелеять! Как невесту!.. Впрочем, у вас, кажется, еще нет невесты? Но будет! Обязательно будет!

И, откинув назад голову, Антони засмеялся.

Махно протянул руку.

– Э, нет! – покачал головой Антони. – Сначала разберем, соберем, изучим. Оружие – не игрушка, а инструмент. А то сразу: на сколько шагов?..

Они уселись рядышком, и Антони быстро и умело разобрал пистолет, разложил на столе в ряд все его детали.

– Теперь смотрите и запоминайте! – Вольдемар начал, как на занятии, собирать пистолет. Сперва брал в руки деталь, барабан или «собачку», подносил ее к глазам Нестора, вращал у него перед глазами, чтобы он легче ее запомнил, и лишь потом вставлял на полагающееся ей место. Так он проделал дважды или трижды. Потом попросил Нестора собрать. Хлопец почти безошибочно дважды собрал револьвер.

– Хорошо, – похвалил его Антони.

– Теперь бы пострелять, – попросил Нестор.

– Пострелять? Не здесь и не сегодня. Как-нибудь в степи. А лучше, конечно, в плавне.

Но жажда пострелять у Нестора была так велика, что уже на следующий день, когда собралась вся его ватага, он показал револьвер. Поначалу оружие передавали из рук в руки, восхищенно цокали языками, ахали от восторга.

А когда появился Андрей Семенюта, Нестор спросил у него:

– Сам-то ты стриляв из такого?

– Я и из пулемета стрелял.

– Може, постриляем?

– Лучше б за селом, – засомневался Андрей.

– Та тут и так край села, – сказал Нестор. – Кому мы нужни, и хто нам нужен!

– Ну, шмаляй!

Выстрел. Еще один.

Из старой покинутой скворечницы посыпалась труха, перья. Затем она и вовсе обрушилась на землю.

Во дворе собрались все друзья Нестора: братья Лепетченки, Федосий Щусь, Сашко Калашник, Семка Каретников, Лашкевич.

– Держи рукоять легко, пальцы снизу расслабь, – поучал Нестора Семенюта. – Дай стволу самому лечь на цель. Он пидскачит и снова вернется... Куда будешь целить?

Нестор поискал глазами, во что еще можно пострелять, но не увидел ничего подходящего. И вдруг заметил на соседском плетне глечики.

Разлетелся один глечик... второй... Верный глаз у Нестора.

– Ой, лышенько мое! – выскочила из хаты соседка. – Шо ж ты, паразит, добро переводыш! Антихрыст! – И набросилась на Семенюта: – А ты, бугай здоровый, чему дитей учишь?!

Вслед за матерью из хаты выбежала и Настя. Она смеялась.

Никто не слушал крик соседки. Нестор стрелял. Разлетелись еще два глечика. Лишь после этого он обернулся к соседке:

– Ты считай, тетка Дунька! Все до единого верну! Даже з приваром!.. Настя! – позвал разгоряченный стрельбой Нестор. – Есть в хати глечики?

– Та есть трохи.

– Несы! Де пьють, там и льють!

Настя вынесла из хаты несколько глечиков.

– Настя, зараза! Убью! – запричитала мать. – Хай лучше вин в тебе стріляе! Хай йому чорты на тому свити...

Насте понравилась эта игра. Она повесила глечики на колки плетня.

– Одийды! – скомандовал Нестор.

Один за другим разлетелись и эти глечики.

Настя хохотала. Она совсем не боялась выстрелов. И глечиков ей было не жаль.

На следующий день они всей ватагой отправились на Соборную площадь, благо день был воскресный, ярмарочный.

Нестор, Щусь, Лепетченки, Калашник и Лашкевич шли по базару.

Базар был богатый, голосистый. Глаз не оторвать от рядов. Чем тут только не торговали! Даже тем, что здесь отродясь никогда не произрастало.

А ряды с салом и мясом! А молочные! А овощные! Дальше – свиной визг, гусиный гогот, куриный крик. Еще дальше...

Нет, должно быть, еще не родился тот художник, который бы сумел на холсте изобразить изобилие новороссийских ярмарок, их яркую сочность и праздничную красоту! А может, и холста такого еще не соткали, чтобы поместилось на нем столь сказочное богатство!

– А от макитры, товар нехитрый! А ще глечи только шо из печи, нальвай хочь молоко, хочь квас – добра жизнья буде у вас!..

– Стоп! – остановил друзей Нестор и сам встал как вкопанный. Глаза Лепетченков и Калашника проследовали за его взглядом. Там, чуть на отшибе, стояла легкая бричка-одноконка, доверху груженная горшками, глечиками, макитрами. Хозяин выкрикивал свои зазывалки. Лошади рядом не было – хозяин привязал её неподалеку под акацией, в тенечке...

– А як? – поняв все, спросил Иван Лепетченко.

– Шут його знае, – задумчиво ответил Нестор.

Стояли. Озабоченно глядели на воз с горшками. Размышляли.

– У кого деньги есть? – спросил Нестор.

– У нас – пятьдесят копийок, – ответил Сашко Лепетченко. – Мамка далы, шоб пшеници курам купылы.

– Давай.

– А як же... – поколебался Сашко.

– Верну!.. Федос, Калашник!

Те отрицательно помотали головами.

– А ты, Тимош? – Нестор обратился к Лашкевичу. – Ты ж только вчора сизарей продав.

– Гроши мамка забралы.

– Все?

– До копийкы.

Нестор дернул Лашкевича за штаны. Раздался мелодичный звон.

– Як свинья-копилка дзенькаешь, – обрадовался Щусь.

Лашкевич, вздыхая, достал из кармана несколько монет. Прежде чем отдать их Нестору, спросил:

– А процент буде?

– Буде, – уверил Нестор. – По шее!

В ладонь Нестора легла мелочь.

– Там же товару рублив на сто.

– Я поторгуюсь! – весело подмигнул Нестор. Он оторвался от компании и, пробиваясь сквозь базарную толпу, направился к бричке с горшками.

Друзья издали видели, как он подошел к пожилому крестьянину – владельцу посуды, вступил с ним в переговоры. Вот Нестор показал туда, где над широкой, призывно открытой дверью белела надпись «Корчма». Дедок некоторое время колебался, и Нестор горячо его уговаривал. Потом старик принял у Нестора деньги и направился к корчме. По пути он пару раз оглянулся, видимо, чувствовал какой-то подвох в предложении хлопца.

Лепетченки, Щусь, Калашник и Лашкевич, разгадав замысел Нестора, стали подтягиваться к бричке.

Едва дедок вошел в корчму, как они оказались рядом с приятелем.

Понимали друг друга без слов. Нестор, Щусь и Калашник взяли за оглобли, братья Лепетченки и Лашкевич толкнули бричку сзади. И она тронулась, легко покатилась...

Вот они уже свернули за угол, в узкий переулок. Ускорили ход. Перешли на бег.

– По траве! По траве! Шоб без слидов!

Бежали, хохотали.

– Як тоби удалось?

– За казенкой дидка послав. Сказав, шо мени по малолетству не продадут. Пообещав и йому половину штофа за труды.

– Ну, артист!

Бежали. Гремели на ухабах горшки и макитры.

Сгрузили все добро в старой кузне. Прикрыли бурьяном. Пустую бричку толкнули с пригорка вниз...

Под вечер все четверо, груженные макитрами и глечиками, пришли во двор соседки.

– Позвольте вернуть долг, тетка Дунька!

– Де взяли? – сурово спросила соседка. – Чуже! Не визьму!

– Купылы! – успокоил ее Нестор.

– Брешете!

– Собака бреше! Забирайте. А то у мене патроны ще есть! Все перебью!

– Ну, грець з вами! Заносьте!

Занесли в хату, расставили на доливке возле печи. И вышли. Нестор задержался в двери.

– Тот дидок, шо горшки продавав, сказав, шо таку посуду лучше в темноте держать. Не так выгорае. Так вы их это... под припичок.

– Я так и знала, шо крадени! – всплеснула руками соседка.

– Куплени, шоб мене чорты на том свити... Рубь заплатылы!..

...Вечером при свете лампы Нестор в который раз разбирал кольт. Протирал каждую деталь. Любовался. Снова собирал.

Медленно и тщательно наполнил барабан патронами. Из гильз приметно выглядывали округлые головки пуль. Они были чуть срезаны.

Прицелился в заплаканное оконце, повел стволом дальше.

Положил на стол. Оглядел хату, стены, сволок с засушенными пучками травы – куда бы спрятать. Встал на лежанку и сунул револьвер за икону Богоматери...

Глава седьмая

Нестору казалось, что за время своих странствий по Екатеринославской и ближним уездам Херсонской и Таврической губерний увидел и узнал он весь свой край с его ковылями, весенними тюльпанами и летними маками, буераками, балками, заплутавшими в густых плавнях реками, с курганами, скифскими «бабами», ревущими и кипящими днепровскими порогами. Казалось, узнал и его историю, которая звучала в романтических легендах о запорожских козаках, в сказках и, конечно, в думах и песнях, что пели, как встарь, украинские седые бандуристы, носившие расшитые, пусть порой и рваные, сорочки, выпущенные поверх необъятных, как мешки, козацких шаровар.

Песни у бандуристов в основном были грустные, про смерть, полон да про горилку, которая губит козаков. «Ой, Сечь – мать, ой, Сечь – мать, а Великий Луг – батько... Гей, шо в Луге можно заробыты, то в Сечи пропыты...»

А бывшая Запорожская Сечь – вот она, рукой подать, ниже последнего днепровского порога, на небольшом острове Хортица. В конном переходе от Гуляйполя. А сразу за Хортицей, по левому берегу Днепра, – Великий Луг, целая лесная держава, с озерами, лабиринтами речек. Деревья – до неба, а травы вдоль берегов такие, что скрывали конных с головами.

Отсюда, от Хортицы, от Великого Луга, начинались так называемые «вольности запорожского козачества». И тянулись они, эти вольности, далеко вниз по левому берегу Днепра через непроходимые, поросшие камышом, осокой да густым ивняком плавни на сотни верст. С бешеной скоростью, с грохотом промчавшись сквозь скалистые пороги, вырвавшись у Хортицы из теснины скал, Днепр здесь разливался вширь, успокаивался.

Чем можно заработать в Великом Луге? Ясное дело, нападениями на турок, ляхов, а если нет войны, то на проезжих купцов или набегами на хутора кулаков и богатеев. И до сих пор, рассказывали Нестору старики, водятся в Луге лихие люди. Вот жизнь! Но это – лишь остатки свободы...

Простор, воля, козацкое народовластие! Выборные атаманы, выборные гетманы! Было, было время! И как-то странно представить, что страна вольных козаков терялась в лесостепном пространстве, которое называлось Диким Полем. И раскинулось оно, это Поле, на огромной территории между Доном и Верхней Окой, от предгорий Кавказа до самого Дуная, упираясь на юге в Черное и Азовское моря...

Это было малообжитое пространство. Лишь на берегах морей кипела жизнь. Здесь некогда селились древние греки, римляне, византийские колонизаторы, генуэзские купцы. Они оставили после себя погребенные под слоем земли изящные амфоры, колонны, золотые и серебряные украшения, короткие мечи, шлемы, мраморные надгробья.

Фанагория, Пантикапея, Херсонес, Ольвия, Истр... Музыка, а не названия!

Конечно, основным товаром, ради которого высокоразвитые иноземцы проникали в глубины скифских степей, были не мед, не зерно и не шкуры. Люди! Рабы, крепкие, выносливые и плодovитые – вот какой нужен был товар. На дешевом труде безвестных рабов возникли и наука, и культура. Пока рабы гнули спину, аэды играли на кифарах, архитекторы рассчитывали прочность акведуков, а математики изобретали золотое сечение.

И вдруг в одночасье все рухнуло. Через равнинные, тучные, заполненные приречными пойменными пастбищами просторы покатались волны кочевников. Они шли, чтобы завоевать пустующие земли Дикого Поля. Готы, гунны, половцы, хазары, монголо-татары, авары, ногайцы, турки... Несть им числа! На короткий исторический миг возникла и канула в пучину времени граничившая с Диким Полем славянская Киевская Русь, смятая течениями рас и народов. Смяли и растворили пришельцы также и Византию, повивальную бабку окультурившейся Руси.

Но... Северная Русь, Московия, отодвинувшись от завоеванной и разоренной Батыем Киевской Руси в далекие заболоченные леса, одичавшая, но хранящая в себе и византийские, и варяжские гены, постепенно крепла, хотя и продолжала со страхом всматриваться в необъятные южные дали Дикого Поля. Оттуда то и дело приходили орды завоевателей и грабителей. Они не просто брали дань – эка невидаль! – а жгли, убивали, насиловали и уводили в полон десятки тысяч человек. После таких набегов жизнь на пепелищах начиналась сызнова.

Московская Русь, непрочный союз враждующих между собой земель, в крови и зареве пожаров набирала силу. Победа на Куликовом поле заслонила иную, куда более важную победу. Русская культура и православная вера – в ту пору понятия нераздельные – выиграла долгую схватку. Русь породнилась с крепким и воинственным народом татаро-монголов. Былые враги пошли «под московскую руку», на службу к великому князю, а позже и к царю. Игумен и святитель Пафнутий Боровский, один из отцов русской Церкви, причисленный к лику святых, был правнуком ордынского наместника и сборщика дани, «великого владимирского баскака» Амирхана. Такие вот происходили превращения. Большая часть московской элиты, церковной, светской, военной и культурной, вплела тюркские ниточки в свои родословные.

Когда Иван Грозный брал Казань, едва ли не добрая половина его воинов и воевод происходила из татар.

Москва привлекала. Сюда шли немцы, поляки, сербы, литовцы, армяне, грузины. И, конечно, черкасы, как нередко называли жителей Малороссии, собственно Украины, путая их родословную. Происходило смешение кровей, оздоровление.

Постепенно осознающая свою силу, вынужденная стать весьма и весьма воинственной, Московская Русь вклинивалась в Дикое Поле со стороны Серпухова и Тулы. Чтобы выжить, она должна была расширяться! Любой ценой отодвинуть границы, зыбкие, как паутина на ветру.

Она и расширялась, постепенно приучаясь к мысли, что незавоеванные земли – чужое и враждебное пространство, откуда жди набегов. И верно, в Диком Поле стали появляться новые хозяева – оттоманские или османские турки, воинственные, многочисленные и хорошо организованные. Ослабевшая Орда, распавшись и в значительной мере смешавшись с русскими, уступила им степное господство. Османская империя, к счастью для Руси, занялась Грецией, Балканами, Сирией, Алжиром, Тунисом, Арменией, в общем, теплыми, благодатными странами. На северных же соседей, московитов, султан насылал своих своевольных вассалов – крымских татар. Мехмед Второй, великий завоеватель, покоритель Константинополя, понял, что тот, кто владеет Крымом, вонзенным в Черное море, как боевой топор, станет хозяйничать не только в море, но и в Диком Поле, через которое уже не смогут пробиться славяне.

Набеги крымских ханов сдерживали мощь Московии, не позволяя ей одолеть напор с запада, выйти к Европе. Северная Русь должна была сгнить в болотах, вымерзнуть от стужи и вымереть от недородов, которые повторялись на отвоеванных у лесов кулигах, небольших участках пашни, едва ли не через год.

История полна крови. И тот, кто хочет выжить, должен уметь бороться и не уступать. Изнеженный, слабый духом обречен. Будущее за теми, кто это осознает!

Кровью были залиты просторы Дикого Поля, когда туда, три-четыре века спустя после гибели Южной Руси, вернулись наследники Владимира Мономаха и «вещего» Олега: набравшиеся решительности, ожесточившиеся, приобретшие восточный прищур и смуглоту широких скуластых лиц. Поля для новых битв отличались простором. Земли, на которых лишь малыми вкраплениями удерживались запорожские козаки, были опустошены и заброшены. Даже в бывшем стольном граде Киеве у паперти церкви Святой Софии паслись козы. Город лежал в руинах. Став на какое-то время заштатным польским, затем литовским и снова польским местечком, Киев не насчитывал и пятнадцати тысяч жителей. Турки, крымские татары,

поляки, литовцы, запорожцы, лавируя и меняя союзников, воюя друг с другом, носились по этим землям.

Гетман Богдан Хмельницкий с надеждой поглядывал на север, на Москву, но поначалу был вынужден унижаться перед крымским ханом Ислам-Гиреем. Войну чередовал с дипломатией. В конце концов одолел всех и отвоевал для части Украины «незалежность». Но победа Хмельницкого оказалась равносильна поражению. Небольшая, соответственно названию своему, Малороссия была истощена и обречена. Кому поддаться: королю польскому, султану турецкому или царю московскому? Козаки после колебаний, после ухода с Переяславской Рады несогласных высказались за братьев по вере: «Волим царя московского!»

Малороссия – лишь небольшая часть будущей Украины, присоединилась к России, что, однако, не избавило объединившуюся славянскую державу от унижений. По Андрусовскому перемирию, заключенному вскоре Россией и Польшей, за Польшей оставались все земли по правому берегу Днепра, за исключением Киева, который признавался российским... но лишь на два года.

Ареной великой и запутанной игры стало Дикое Поле. А тут еще объявился новый игрок – Швеция. Всесильная тогда европейская держава.

Для России завоевание юга было, впрочем, не игрой, а жизненной необходимостью. Понимание этого, а также тяга родственных по крови и вере украинцев к Москве определили успех. Ведя непрерывные бои, отодвигая свои пушкарские и стрелецкие слободы все далее и далее в степь, не пренебрегая и дипломатией, Россия постепенно утвердилась на землях, где ныне располагаются Ставропольщина, Ростовская область, Кубанщина, Донбасс, Запорожье, Луганщина, Кировоградщина, Днепропетровщина, Криворожье, Херсонщина, Николаевщина, Одесская область, Молдавия, Крым – площадь двух Франций. Но!..

...До Екатерины Великой Черное море оставалось закрытым для России турецким водным бассейном, на Балтийском господствовали шведы. С севера Россия была зажата льдами. Постоянно упрекая московских варваров в дикости и безнадежной отсталости, просвещенные соседи тем не менее радовались этой обособленности. Всех устраивала Московия только как поставщик пеньки, льна, смолы, кожи, пушнины, леса...

Необходимость выжить, стать наравне с другими требовала и нового расширения, которое, однажды начавшись, уже не могло остановиться, потому что вместе с новыми землями приобретались и враги. Увы, идея географического расширения, превратившая Московию в великую империю, вошедшая в плоть и кровь народа, прежде всего верхов, эта идея сыграет с русскими злую игру в начале двадцатого века, когда следовало бы обратить взгляд не вширь, а вглубь, заняться обустройством своей, уже и так необъятной земли. Пришло время, когда нужно было понять, что судьбу народа теперь решает не меч, но собственное богатство, внутреннее единение и... Образование! Наука! Техника! Культура!

Но кто мог тогда предвидеть далекое будущее? Кто? Шло сражение за право выстоять, утвердиться.

Екатерининские полководцы и солдаты, и среди них двадцатисемилетний подполковник Кутузов, в тяжелейших боях выбили турок из Крыма. Татарам же и их ханам сохранили не только жизнь, но также имущество и привилегии. Кстати, Михаил Илларионович, наш исторический герой, получивший близ Алушты тяжелейшее ранение в голову, ведет свой род, с одной стороны, от «выехавшего из немец честного мужа именем Гаврила», а с другой – от татарина Саиб-Булата, принявшего по крещению имя Симеон. Симеон Бекбулатович был видный вельможа при дворе Ивана Грозного...

Всех принимала под свою руку православная Россия, растущей мощью привлекавшая энергичных, деятельных служак и с Запада, и с Востока. Империя делала из них людей державных, щедро награждала и продвигала.

Бывшее Дикое Поле, теперь уже мирный край, назвали Новороссией. В отличие от собственно Украины, точнее, Малороссии, жители которой, степенные, трудолюбивые, певучие землепашцы, сохраняли, несмотря на недавнее засилье польских панов, литовских князей, татарских мурз и прочих «хозяев», тягу к воле и поэтические дедовские предания. Они-то вместе с русскими и стали главными насельниками новых российских пространств. Спасаясь от малоземелья и новых панов – царских чиновников и помещиков, насаждающих и в Малороссии, и в Новороссии крепостное право, они уходили дальше и дальше, в глубь бывшего Дикого Поля. На медлительных волах везли поклажу, а в душах уносили жалостливые песни про «крипаччину», «панщину» – крестьянское подневолье, которое заставляло гнуть спину вначале на польских, а потом на других панов.

В нашему сели лыхый пан,
Горе людям, горе й нам...

Заполнив завоеванные Московией огромные пространства, смешавшись с переселенцами из Центральной России, жители Новороссии приняли и новый, смешанный русско-украинский язык – суржик (в буквальном смысле суржи́ком называют смесь ржи с пшеницей). Впрочем, здесь не только родился язык, но возник и особый характер свободолюбия, замешенный на свойственной россиянам буйной, взрывной непокорности.

Русских и украинских земледельцев не хватало для заселения Дикого Поля. Одними из первых в Новороссии появились сербы, бежавшие от османского ига. Они образовали здесь даже два края, впоследствии ставшие уездами: Славяносербию и Новосербию. Ныне это значительные части Луганской и Кировоградской областей Украины. Затем на бывшее Дикое Поле прибыли черногорцы, за ними валахи – православные жители Румынии, тоже бежавшие от гнета османских правителей. Прибыли десятки тысяч греков. Потянулись в Новороссию арбы, фуры, каруцы, телеги, расписные возы-кибитки молдаван, грузин, поляков, цыган, евреев, православных никонианцев, единоверцев, поповцев и беспоповцев, скопцов, духоборцев, хлыстов и, удивительное дело, татар и турок, признавших новую мощную державу и желавших послужить ей не за страх, а за совесть. На берегу Днепра возникла даже шведская колония.

Поразительный создавался край! Новороссия стала своего рода американскими прериями для переселенцев всех племен и народов, всех религий и убеждений. Немецкие колонисты, любимцы Екатерины, как правило, представители протестантских сект коммунистического толка, принесли в Дикое Поле дисциплину и навыки общинного самоуправления. Русские староверы – обычаи поста и чрезвычайные строгости в быту, набожность и трудолюбие. Беглые бунтовщики, напротив, распространяли дух вольнодумства, свободомыслия, непризнания любых авторитетов, даже религиозных. Еврей-колонисты показывали коммерческую хватку, учили азам финансовой деятельности...

Всем нашлось место, всех приютила Новороссия. Но, увы...

Перенапрягаясь в борьбе за выживание, стремясь к полному единоначалию и подчинению человека главной задаче, Россия и здесь, в Новороссии, постепенно создала настолько крепкий и всеохватывающий управленческий и военный аппарат, что он стал терять гибкость и костенел, как больной позвоночник. Чиновники превращались в бюрократические винтики, дворяне – в военную касту, помещики – в касту имущественную, навечно привилегированную. Церковь, стремясь поддержать державу, становилась частью аппарата и не могла служить для недовольных людей даже моральной поддержкой, отдушиной, не говоря о большем. Веры народ не терял, но терял доверие.

Не повезло и козакам-запорожцам, вольнолюбивым защитникам левобережной Украины от «бусурман», «ляхов» и «литвинов». Сильная и строгая в единой державии Россия не могла

ужиться с непонятной ей козацкой республикой. Не терпела и самого института гетманства, атаманства, выборной верховной власти, особенно после ряда вполне понятных метаний гетманов то в сторону «ляхов», то в сторону «свенов».

Постепенно козацкие Сечи (их насчитывалось не более десяти) были разгромлены и уничтожены. Сечевые казаки, те, кто не покорился, ушли. Меньшая часть – в Турцию, а большая подалась на Дон и Кубань, где уже селились свободолюбивые беглые из собственно России, получившие от соседних племен тюркское наименование – казаки.

Казак – это вольный, удалой человек, если угодно, ушкуйник, разбойник. Но эти ушкуйники, хотя от них доставалось и русским купцам, были московской державе выгодны, так как служили своего рода пограничной стражей на самых дальних тогда рубежах.

Покинув Сечи на Днепре, запорожцы смешались с донскими казаками и образовали вместе с иными пришлыми Черноморское, позднее Кубанское казачье войско. Прежде не признававшие хлебопашества, казаки постепенно оседали на земле. Получали наделы. И немалые. Земля была тучная. Крепостного права здесь не знали.

Мало-помалу казаки превратились в ревностных слугителей престола, хотя волнений и бунтов, вплоть до девятнадцатого века, случалось здесь немало. «А с Дону опять идет смута», – сообщал летописец. Казаки поддерживали то Кондрата Булавина, то Стеньку Разина, то Лжедмитрия, то грозного Емельку Пугачева. Да ведь все они – и Стенька, и Кондрат, и Емельян – родом из этих, из казацких краев...

Долго и кроваво сказывается непростая и великая сказка История.

Как бы то ни было, Новороссия богатела и росла экономически как на дрожжах. Вначале дрожжами служили великолепные пастбища. Затем, по мере развития земледелия, – чернозем. А к концу девятнадцатого века дрожжами стали уголь и руда, таившиеся в бывшем Диком Поле под слоем этого самого чернозема. В кратчайшие сроки произошло не то что удвоение, а утысячережение богатства края. Рудники, шахты, заводы возникали десятками и сотнями. Железные дороги строились со скоростью, которой могли бы позавидовать американцы. Это была не золотая, а черная, вся в саже и копоти, лихорадка...

В 1870 году выходец из Англии Юз открыл здесь первый частный чугуноплавильный завод, пока еще малой мощности. Но вскоре больших металлургических заводов было уже семь. А к началу двадцатого века возникло еще девять крупнейших заводов, и среди них – Никопольско-Мариупольский трубопрокатный гигант. Он был полностью закуплен в США вместе с частью инженерного персонала и мастеров, перевезен на Азовское побережье, смонтирован и запущен в течение года. Немыслимые темпы!

Все, у кого был инженерный и организаторский талант, сообразительность, хватка, наконец, первоначальный капитал, кредит от государства, хлынули к невысоким холмам Донецкого края и Приднепровской возвышенности. Бывшее Дикое Поле выходило на первое место в Европе по числу новоявленных миллионщиков. Причем богатели не спекуляцией, не разграблением уже имеющегося, а созидая... Строя!

Такой бурный рост объяснялся, как свидетельствуют историки и экономисты, прежде всего покровительством и помощью державы. Льготные тарифы, охранительные пошлины, высокие закупочные цены на металл, система заказов и кредитов. Государство говорило решающее слово!

И на этих же землях набирало силу (пока скрытую) недовольство большинства, оставшегося в бедности и даже в нищете. Разрыв между нищетой и богатством становился огромным, а главное, слишком очевидным на фоне жизни новых миллионщиков, которая протекала тут же, рядом. Виллы и поместья, парки для «благородных» возникали с быстротой, опережавшей даже рост заводов.

Главным источником социального разрыва послужило, как ни странно, относительное благополучие края. Здесь не голодали, как в Центральной России. Кусок хлеба был обеспечен

всем. И ходили не в лаптях, а в сапогах. Хотя бы и в грубых, юфтевых. Кожи здесь было больше, чем лыка.

И прирост населения оказался куда выше, чем в остальных губерниях. Семьи с пятью детьми считались малыми. Десять – двенадцать отпрысков – явление обычное. Народ кругом верующий или по меньшей мере блюдуший традиции. Что немецкий «сектант», что старовер, уважали завет: «Плодитесь и размножайтесь». В еврейских поселениях, где почитали предписания Пятикнижия Моисеева, встречались семьи и с двадцатью детками...

Участки делились и делились. В огромном крае постепенно возникало малоземелье. Даже тем, кто владел приличным участком, трудно было тягаться с кулаком-арендатором, использующим машины (сеялки, молотилки и прочее), наемных рабочих, смены лошадей, богатые удобрения. И тем более с помещиком-латифундистом. Огромные профилированные имения переходили на самые современные способы ведения хозяйства. Они давали изрядное количество товарного, на пропитание всей страны и на вывоз, дешевого хлеба, молока, масла, шерсти, каракуля. Державе они были крайне нужны и выгодны. Экономически. А вот в социальной сфере... Тут, на перепаде теплого и холодного фронтов, зарождались бураны и смерчи. Резкий социальный раскол. Но кто об этом думал?

Кулаки, владельцы шахт, рудников, заводов, помещики-латифундисты платили своим работникам по минимуму, выигрывая в жестокой конкурентной борьбе за счет дешевизны людского труда. Да и что такое «мало» или «много»? Жизнь в Новороссии была очень дешевой, но когда в семье пятнадцать ртов, всегда «мало».

Учителя ропщут, жалуются на бедность. Свое недовольство державой, «гнилым царизмом» они не могут скрыть от сметливых крестьянских детей.

Рабочий день на шахтах, под землей – четырнадцать часов и более. С одним выходным в неделю. Конечно, владельцы открывали театры, бесплатные библиотеки, больницы. Да и платили неплохо. Но к тридцати годам шахтер – больной и изработавшийся человек. Если не полный инвалид. В горячих цехах всюду трудились подростки. Они получали втрое меньше взрослых, а норма выработки была почти такой же.

Недовольны были даже аристократы черного труда – машинисты, мастера, краснодеревщики, модельщики, лекальщики. Они могли прокормить семью, состоящую из дюжины человек, но не были в состоянии дать детям образование, помочь им выйти в люди. Латифундисты, успешно завоевавшие европейский сельхозрынок, ввели такие же строгости, как и у заводчиков. Шестнадцатичасовой рабочий день. И штрафы за малейшие нарушения. А куда денешься? Кругом подпирает народец, ищущий хоть какой-никакой работенки. Да и свои дети нуждаются в работе. Для справки: за двадцать лет царствования Николая Второго население России выросло почти на пятьдесят миллионов человек. Прирост составлял два с половиной миллиона в год. Россия молодела.

А страна с избытком молодежи, желающей, но не имеющей возможности получить достойное образование и приличный заработок, обречена на революционное брожение. Если же вооружить молодых людей – то на неизбежную революцию. А вооружает, как известно, война. Только, увы, это не было ведомо монарху и его окружению.

В России, переполненной ищущей своего места в жизни молодежью, пока лишь брожение. Робкие «факелы» в помещичьих усадьбах. Маевки с громкими зажигательными речами и тихими, шепотом, вопросами о револьверах и берданках. В Новороссии до поры вроде было совсем глухо. Все-таки от голода никто не мучился. Но что-то зрело, что-то зрело! Память о предках-бунтарях была еще жива в сердцах народа.

Вот ведь незадача: и жить неведомо, и потрясти Россию боязно. Ещё в старину казацкие старшины, поначалу поддерживавшие восстания, вскоре, должно быть, осознали гибельность бунта. Потому и застрелили Булавина, выдали Разина и Емельяна Пугачева.

А если опять попробовать?

В Новороссии марксистская революционная идея, слишком сложная для понимания в столь разнородной среде, не могла привиться, разве что в больших индустриальных городах, но их было не так уж много. Основная масса народа жила в селах, на хуторах, в поселках или местечках, горожанами которых стали вчерашние крестьяне. Им пришлось по душе ясные, сливающиеся с древней мечтой о воле и равенстве, анархические идеи. Они были доступны даже самым малограмотным. Так начала зарождаться анархическая республика. И не на Дону с его уже сложившимся патриархальным укладом, с выборными атаманами, верно служившими царю, а у днепровских порогов, у развалин былой Запорожской Сечи, где грохот бушующей воды сливался с грохотом станков и заводскими гудками.

Ничего этого не знал и ни о чем таком не задумывался по молодости и недостатку образования задиристый и непокорный хлопчик Нестор Махно. В школе он проучился всего полтора года. Хотел бы учиться и дальше, но за озорство и верховодство в среде «баламутов» был изгнан строгим директором.

Да и чему могли научить его «малописьменные» преподаватели начальных школ, сами представлявшие собой по большей части протестную публику? «Общественность» мечтала о какой-то иной России, похожей то ли на Запорожскую Сечь, то ли на Беловодье, где каждый волен и свободен и получает неизвестно за что хорошее жалованье. У России, имеющей два лица, материнский и мачехин, они видели лишь один. Никто не думал, что и для них держава является крышей, хоть бы и соломенной, но спасающей от стихии, чужеземных нашествий, междоусобицы...

К четырнадцати годам Нестор Махно уже понял: кулаки, помещики, торговцы, заводчики – это враги, не дающие житья его многочисленной семье, споившие отца. Полицейские, чиновники, попы – тоже враги. Если у них отобрать добро, землю и раздать людям, все заживут вольготно и счастливо.

Лишенный отца, школы и воспитателей, он, как и любой активный, кипящий энергией подросток, мечтал об учителе, который объяснил бы ему, как жить и зачем. И он его нашел. Нестор услышал от Вольдемара Антони такие слова, которые до сих пор никто и никогда не произносил.

Подобные Антони наставники, как мухи, слетались в бывшие козацкие слободы, такие же, как примечательное по названию Гуляйполе, своего рода столица «гулящих людей». Впрочем, аналогичных «столиц» в прежнем Диком Поле, ставшем самым богатым и самым взрывоопасным российским краем, насчитывалось немало. В Москве и Санкт-Петербурге, мнящих себя ключами к стране, заложены лишь фитили. Запалы. А основной заряд взрывчатого вещества – здесь.

Глава восьмая

Они шли по улице Гуляйполя с независимым видом, ощущая свою слитность и силу. Разумеется, в ватаге сам Нестор, его брат Григорий, братья Лепетченки, Сашко Калашник, Семка Каретников, Тимош Лашкевич. И чуть в стороне Федосий Щусь.

Их компания за два-три года несколько увеличилась. К ним пристал высокий чернобровый Петро Шаровский, парнишка из еврейской колонии Шмерко Хшива, Марко Левадный из соседнего села Тырса. Эти держались немного позади, как и положено новичкам.

А следом и как бы по своим делам плелась босоногая Настя, непризнанная участница этой первой «махновской армии».

Шли, лузгая семечки, лихо сплевывая шелуху. Красовались. Они уже переросли пору набегов на сады, но находились в той стадии становления, когда еще не имели ни цельной «идеи», ни безусловного вожака, которому бы повиновались беспрекословно. Пока они были способны как на безрассудную, отчаянную выходку, так и на паническое бегство в случае серьезной угрозы. И все же их радовало то, что прохожие поглядывали на них с опаской.

На углу, у больницы, они заметили отца Ивана и Сашка Лепетченков – полицейского урядника Якима Лепетченка. Был он низкорослый, но широкоплечий, при шашке и с огромным «лефоше» в кобуре.

Ватага замедлила ход. Так издавна повелось, что к полицейским в Гуляйполе относились с почтением и даже некоторым страхом.

– Доброго здоровья, Яким Данилыч!

– Здравствуйте, здравствуйте! На яку шкоду настроились?

– Та ни, дядько Яким. Гуляем.

– Гуляйте, гуляйте, пока молоді. Тилькы шкоду не делайте.

Нарочито зевнув, Лепетченко скрылся за домами. Ватага двинулась дальше.

– Шо-то ваш батько съодни якыйсь дуже добрый, – сказал Нестор Лепетченкам.

– Не тилькы съодни. Раньше то реминякою, то лозиною. А в последне время як подминылы, – согласился Сашко.

– Сами не поймем, шо з ним, – поддержал Сашка брат.

Они оглянулись на конский топот. На чохлой конячке их догонял хлопец, тот самый пастушок, которого Нестор когда-то перетянул кнутом возле панских овсов: Сидор Лютник.

– Нестор! – крикнул он. – Там твий брат Омелян иде! Недалечко от станции його обогнав.

– Дай коняку! – коротко приказал Махно.

Сидор недовольно скривился, но лошадь отдал. Махно ловко вспрыгнул на нее, сжал коленями ребристые бока:

– Ну, пишла!..

– Не гоны сыльно, Нестор! У неї жыла надирвана! – жалобно крикнул вслед Сидор.

Но куда там!..

От многолюдного торгового села Гуляйполе до одноименной станции шесть верст широкого пыльного тракта. После прибытия пассажирского люди шли и ехали со станции навстречу скачущему на чохлой лошаденке Нестору.

Нестор на ходу оглядывал всех, кто брел по обочине. Кто-то с ним здоровался, кто-то его не замечал. Но Омеляна нигде не было видно...

Второпях Нестор не обратил внимания на медленно, по-стариковски бредущего человека в истрепанной, потерявшей вид шинельке. Лицо человека было наискось перечеркнуто замусоленной лентой с овальным кожаным лоскутком, прикрывавшим потерянный глаз. Скулу рас-

секал шрам. На голове выдавшая виды папаха, за плечом легенькая котомка, разбитые сапоги устало шаркали по пыли.

Нестор проскочил дальше, просеивая встречных быстрым внимательным взглядом. Вот уже показалась вдали и станция, и окружающие ее пирамидальные тополя.

Словно что-то вспомнив, Нестор резко осадил коня и помчался назад. Обогнал одноглазого и пристально всмотрелся. И тут только соскочил на землю.

– Омельян!

Прохожий улыбнулся, показав щербатый рот:

– Братуня, ты?

Они обнялись.

– А я тебе не взнав...

– И я тоже.

Коротко рассмеялись. Нестор отстранился, чтобы еще раз получше взглядеться в лицо брата.

– Зминывся ты, братка.

– Есть тропшкы, – виновато признал Омельян. – Малость косоглазый став. Осколком задело. Но все-таки повезло: руки-ноги целы. А глаз, шо ж... глазом не пахать.

Нестор все еще вглядывался в Омельяна, преодолевая чувство горечи. С не свойственной ему нежностью снова приник к брату:

– Главне, шо живой.

– Я й кажу: повезло. В японском плену був, скільки там повымерло! А я выжив. Пивгода, як отпустылы. Пивгода, считай, добыраюсь. Бильше! Сначала пароходом в Петербург привезлы. А оттудова де поиздом, де пехом...

Они медленно шли по дороге. Их обгоняли гуляйпольцы, но Омельяна никто не узнавал. Нестор слушал рассказ брата, придерживая в руке повод. Конь шел сзади, стриг ушами: казалось, тоже слушал.

– Ну и як там японци жывуть? – поинтересовался младший брат.

– Та пошты як и мы. Може, малость похужее. Земли, правду сказать, у них не то шо у нас – бидни земли, та й обмаль. Так шо жрать особенно ничего. Рыс та пшоно. И ще шо в мори словлять. Бо у их с усех сторон море! Водоросли жують, всяку траву, тьфу! Вириш – ни, даже вилок-ложок и то у их нема.

– А чим же едят? Руками?

– Дви лозыны зрижуть, и от такими палочкамы и едят.

– Та як же це? Пшоно палками?

– Зголодниешь – ухитришся.

– А если, к примеру, сало?

– Нема у них сала. Ни разу не давалы.

– Да! То вже беда, то вже голод, – заключил Нестор. – Ну а в России як?

Омельян оглянулся по сторонам и понизил голос:

– В России, братка, кругом бунт. Революция называется. А особенно в Москви...

– Сидай на коня! – предложил Нестор.

– Та ни, я пеши! Привык уже!..

– Сидай! Про революцию лучше дома расскажешь. Все в подробностях!..

И они продолжили медленно брести по дороге: теперь уже Омельян на лошади, а Нестор – рядышком, пешком.

Кто опередил, какое радио донесло, неизвестно, но когда они свернули в переулок, навстречу им уже бежала Катерина, жена Омельяна. Подбежала, бросилась мужу на шею, запричитала:

– Ой, счастье яке! Дождалась! Вже й не вирыла, шо вернешься!.. – отпрянула, оглядела мужа, заголосила пуще прежнего: – Да шо ж оны з тобою исделалы! Де ж твои глазаыньки, шо я так любила цилувать!..

– Ну, ладно, ладно! Не прычитай на всю вулицю! – засмуцался Омелян.

– Та як же! Взяли здорового, а возвернули калеку! Глазу-то нема!..

– Ну, нема! Ну й хрен с ним! – Омелян сердито полез в брючный карман, порылся в нем, извлек оттуда маленький тряпичный сверточек. Развернул. Протянул Катерине бронзовую медальку, прицепленную к полосатой ленте. – Ось вин мий глаз! Я с инператором його на цю медальку поминяв!..

И, войдя в дом, он не переставал говорить. Видно, хотел наговориться за все время долгого молчания:

– Я вам так скажу: Россия вся ходуном ходыть. Прямо с вагона выдно, як у панив имения горять...

В горнице, в отгороженном простыней закутке, Омелян мылся. А Катерина сновала по хате: доставала из скрыни то мужское исподнее, то рубаху, то штаны и со всем этим суетливо скрывалась за простыней.

Омелян то поднимал над простыней намыленную голову, то снова скрывался – и тогда было слышно, как льется вода. И при этом продолжал непрерывно рассказывать.

А слушателей все прибывало. Пришли друзья Нестора, чинно расселись на лавках. Потом появились запыхавшиеся братья Савва, Карпо и Григорий. Коротко поздоровались и тоже затихли, слушая Омеляна.

– Козаки кругом скачуть. На станциях повно жандармив... В поезди люди говорылы, вроде як рабочи фабрики и заводы забирають, а селяны землю панську делять. И называется це спроприяция. Городовых вбивають. Багатеев тож. Шо творыться, шо творыться!.. Один матрос росказував, будто в Москви генерал-губернатора, дядьку самого инператора, бонбой вбылы.

– Дядьку императора? – не сдержал удивления Федос. – А у нас нияких слухов. У нас тут тыхо, як в гробу. У нас...

– Не перебивай! – остановил приятеля Нестор. – Ты слухай!.. А скажи, братуня, де ж рабочи, к примеру, ружжа взялы? Чи бонбы?

Одетый во все чистое, причесанный Омелян вышел из-за занавески. На груди к рубахе была прицеплена медаль. Он как хозяин сел к столу, закурил:

– Де ружжа, пытаеш, взялы?.. Хто де! Хто з войны зумив якось з собою привезты. На войны море цього добра валялось... Правда, на станциях всих обшукували. Гранаты там, револьверты – все отбыралы. Як побачать, шо солдат с плена возвертається, зразу всього обшупають и даже в торбу заглянуть.

– А як узнавали, шо з плену? – поинтересовался Федос. – Солдат, вин и есть солдат.

– А по медали. Нам в Петербурзи всим, хто з плену возвернувся, медали выдали. Так по медали и определялы. Я свою потом в карман сховав.

Омелян не без гордости отцепил от рубахи медаль и передал ее в руки хлопцам. Федос взял ее первым, склонился поближе к лампе, стал читать надпись:

– «Да воз-несет вас Гос-подь... в свое... в свое вре-мя»... Це як же понимать: «в свое время»?

– А хто його знае, – пожал плечами Омелян. – Мене раньше вознесе, а ты младший, тебе, значит, поздніше. Царськи слова, з вывертом. Не зразу поймеш.

На обороте медали был изображен глаз в треугольнике, окруженном лучами.

– А тут, дывысь, глаз! – удивлялись приникшие к плечу Федоса хлопцы. – Боже око чи шо?

– А може, мое? – спросил Омелян. – Може, ци медали инператор тилькы всим одноглазым повывадав. Шоб, значиться, не забували, по чий мылости свои очи на фронти оставылы.

Парни не могли не улыбнуться печальной шутке Омельяна.

...В порядке отступления надо рассказать исторический анекдот об этой медали.

После окончания Русско-японской войны, в которой Россия потерпела сокрушительное поражение, чиновники все же решили хоть как-то отметить участников этой бесславной бойни, а также вдов тех, кто не вернулся. Идея эта вызрела в недрах нескольких министерств, и в результате была изготовлена, как образец, бронзовая медаль с надписью крупными буквами: «Да вознесет вас Господь». Образец вместе с соответствующими бумагами представили на высочайшее царское утверждение.

Между тем Николай Второй старался забыть об этой войне, как о кошмарном сне. Поэтому он под представлением начертал: «В свое время». Дескать, надо подумать. Не время, мол, для этой медали, не та была война и не те результаты.

Чиновники, побоявшись спросить, как понимать сию резолюцию, сочли, что царь несколько отредактировал предложенную ими надпись.

Медаль с бессмысленной надписью «Да вознесет вас Господь в свое время» отчеканили в огромном количестве. И, поскольку на ее изготовление были истрачены немалые деньги, никто, даже сам государь, не решился отправить ее на переплавку.

Ничего этого Омельян, конечно, не знал, хотя относился к медали своеобразно: с юмором и издевкой.

Всматриваясь в лица друзей Нестора, он как бы пытался оценить каждого из них.

– Надежни хлопцы? – спросил он, склонившись к младшему брату.

– За каждого могу поручиться. Все караси из нашего озеречка.

– Катерина, подай шапку! – попросил Омельян жену и продолжил: – Бонбы, револьверты – то солома. Я кое-шо похлеще ухытрився провезти. Той морячок подарив... Прокламации. От эт-то бонба!..

Он распорол ножиком подкладку своей старой солдатской папахи, достал несколько мятых, потертых на сгибах бумажек.

Федос первым протянул к ним руку, но Нестор отобрал у него все бумажки, подвинул к себе. На правах брата и как бы указывая Федосу его место.

– Пидкруты получше фитиль, Федос.

И как только огонь в лампе ярко вспыхнул, поглотив сумерки, Нестор стал читать первую прокламацию. В ней было лишь несколько крупно отпечатанных призывов. Очень простых. Но своей новизной и яркостью они действовали на аудиторию и вправду посильнее разрыва гранаты.

– «Долой само-дер-жавие!.. Долой царя!.. Хва-тит лить кровь на-рода! Поме-щи-чью землю крес-тья-нам! Фабри-ки, за-воды – ра-бочим. Власть – Сове-там рабо-чих и крес-тьян-ских де-пу-татов»...

– От это да! – хором произнесли Лепетченки.

– А шо це за Советы? – поморщился Федос. – Так все ясно. А от Советы – це шо? Кто з кым советоваться буде?

– А Советы... Советы – це... – хотел было объяснить Нестор, но только махнул рукой. – А хрен його знае, шо оно таке. У Антони спытаем, вин знае.

– Ясно одно, – решительно сказал Федос. – Панив надо палыть, землю отбырать! И не ждать!

Все молчали, вникая в такие простые и доступные разуму слова...

Вечером Нестор принес листовки Антони. В хате собрались только самые надежные хлопцы – Семенюта, Каретников, Калашник, Лепетченки... Не было только Федоса. Никто не знал, куда он исчез.

– Все верно. Вот только «власть Советам» – это не наше, – закончив чтение листовок, сказал Антони. – Власти как таковой у нас не будет, а вот просто Советы самых мудрых и влиятельных людей, к которым станут прислушиваться массы, – это другое дело.

Но Махно в нетерпении вскочил:

– Це все пусти разговоры, Вольдемар Генрихович! Разговоры! А в Москви вже война иде. Царя хочут скинуть и всех там... Значить, у них те ж думкы, шо и у нас. Разница тилькы в чем? Покы мы тут пусти разговоры ведем, оны там стриляють и гинуть. Не тилькы за себе. Но, выходьть, и за нас!

Антони одобрительно качнул головой и чуть поморщился: вот, мол, вырастил себе неплохого помощничка. Правда, не в меру горячий, поперед батьки в пекло лезет.

– У нас всего шесть револьверов, – сказал Антони. – С этим арсеналом вы предлагаете выступить против власти?

– Понятно, шо надо доставать оружие? – не сдавался Махно. – Но як? Вы грамотни, вы все знаете... Як?

Семенюта взглядом поддержал Нестора.

– Оружие можно купить, – спокойно объяснил Антони. – Но для этого нужны деньги. Очень много денег.

– А де купить? У нас на ярмарке цього добра нема.

– За границей. В Вене, например, – сказал Вольдемар. – Дорожка протоптана, там я уже покупал. У меня в Вене есть знакомые. Но они даром не дадут.

– И шо, вы можете туда поехать?

– А что, у вас есть много денег, Нестор?

– Деньги – шо! Сами ж говорили про це... як його... экс... Забув!

– Экспроприацию, – весело подсказал Семенюта.

– Во! Я первый пиду!

Антони переглянулся с Семенютой.

– Не забегайте вперед, Нестор! Не торопитесь. В спешке можно завалить еще не начавшееся хорошее дело.

Они вздрогнули, услышав громкий стук в дверь. Семенюта быстро разбросал по столу игральные карты, колода которых вмиг оказалась у него в руке. Куда-то исчезли прокламации.

Но стук был хоть и громкий, но условный: с перерывами и дробью.

– То я, Федос! – услышали они из-за двери.

Лицо Щуся было перемазано сажей. Он стирал ее рукавом. Голос его звучал возбужденно и радостно:

– Собранию устроили? Лучше гляньте в викно!

Антони отодвинул занавеску на окне. Далеко в степи виднелся разгорающийся огонь.

– Все! Я начав революцию! – торжественно произнес Федос. – Пану Данилевскому скирду сина пидпалыв... Надо ж когдась начинать. От я й начав!

– И напрямую сюда, к нам? – спросил Антони сердито и не без ехидства.

– А шоб вы тоже порадовались, – уже растерянно ответил Щусь.

– Ну, р-революционеры! – покачал головой Антони. – С вами и до петли недалеко... Так вот! Самодеятельность прекратить! – жестко добавил он. – Быстренько по домам! И не по улице, а огородами...

На выходе он придержал Нестора:

– Револьвер с вами?

– Не...

– Принесите, отдайте!.. Куда торопитесь? Надо ждать! Готовиться и ждать! А придет час, сам позову!

– Револьвер не отдам, – опустив голову, тихо, но упрямо сказал Нестор. – А слушаться буду.

Оставшись одни, Семенюта и Антони некоторое время смотрели друг на друга.

– Не останови их во время, заварят они кашу! – вздохнул Вольдемар.

– А разве не ты им говорыв, шо революции делаются молодыми, горячими и безумными людьми? – спросил Андрей. – Так это они и есть: молодые и горячие.

– Да. Это так.

Они вновь подошли к окну. Скирда уже разгорелась вовсю. Степь вдали освещалась багровыми сполохами.

– Но ведь это глупо, – сказал Антони. – Я имею в виду – жечь сено, корм скоту.

– Да, глупо! Но это они пока только зубки точат, – усмехнулся Семенюта. – И их уже не остановить.

– Что ты предлагаешь? – не оборачиваясь, спросил Антони.

– Не знаю, – произнес Семенюта и затем добавил: – В одном ты прав: нужно оружие.

Значит, нужны деньги. Много денег.

– Экспроприация?

– Да.

– Только, пожалуйста, аккуратно и без крови.

Он все еще смотрел через окно в ночь, туда, где полыхало сено.

– А все-таки огонь – это прекрасно, – скорее себе, чем Семенюте, восторженно сказал Антони.

Глава девятая

Догорал костер в заброшенной кузне. Махно и его товарищи, растирая в руках пепел, мазали им лица. Это занятие веселило их и заставляло забыть о подстерегающих опасностях.

– Пойдем краем села, шоб ни на кого не напоротьяся. – Махно оглядел товарищей. – Со мною – Федос и Калаш... Лепетченки – в дозоре, коло хаты. В случае чого – свист!..

– Надо б маски, Нестор, – посоветовал Федос, намазывая сажей уши. – Я в якийсь книжки читав. З маской лучшее. Сделав дело, сняв маску, выйшов на улицу – и ты як все. А если с черными мордами пиймають...

– Согласный, – кивнул Нестор. – Но откладывать не будем. А до следующего раза Омелянова Катерины маски пошье.

И тут из-за угла донесся тонкий голосок Насти:

– Я можу пошити. Я вмию. У мене иголка есть, и нитки. Тильки материи дайте и нарисуйте, яки воны, ци маски...

– От зараза, – покрутил головой Махно. Но по оскаленным зубам было видно, что он доволен. – От неи никуды не динешьяся... И як пройшла? Тыхенько, прямо як кошенятко.

– Ни к чему нам девка, – нахмурился Федос.

– Вона не предасть, – уверенно сказал Нестор, а затем обратился к Насте: – Ты, Настена, иды додому! Не вздумай за нами...

– Та шо я, дурна? Не понимаю, шо вы вбывать когось идете.

– Ты такы дурна, Настя! Мы до дида Сироклына за грушами!

Нестор вынул из-за пазухи револьвер и засунул его под ремень брюк.

Дождавшись ночи, они двинулись по окраинам села. И если видели вдали позднего прохожего, сворачивали в глухие закоулки, прятались в тени.

Шли молча. Каждого тяготила мысль о неизвестном.

Свернули к центру села. Здесь крыши богатых домов своими острыми углами чуть выделялись на фоне звездного неба и возвышались над крытыми соломой хатками. И еще богатые дома светились большими окнами.

Ватага тихо кралась мимо серых ветхих тынов и новых чугунных заборов. Изредка взлаивали собаки, но без особого задора: они уже знали эту вечно слоняющуюся по улицам стайку хлопцев.

Возле дома владельца чугунно-литейного завода Кернера они остановились и стали торопливо преображаться: надели вывернутые наизнанку драные кожушки и «спинжаки».

Загремела цепью собака, бегающая вдоль натянутого во дворе провода. Но лая не поднимала. Виляла хвостом, ожидая подачки. Собака была прикормлена.

– Полкан, Полкан! – тихо позвал пса Махно. – На, держи, зараза, кость. На ней даже ще трохы мяса, сам бы обгрыз!

Он укоротил собачью цепь, привязав ее к растущей во дворе акации.

Поднялись на просторное крыльцо, подошли к двери, ведущей в дом Кернера. Нестор постучал бронзовым кольцом, вделанным в пасть льва: шик английской моды в Гуляйполе.

– Кто там грюкае? – донесся сонный голос прислуги.

– До пана Кернера с завода, от майстера Суленки, – скучным голосом ответил Махно. – На вагранке рабочий обгорив. Доктора надо: помре...

Распахнулась дверь. Прислуга средних лет, украинка, одетая в длинный халат, полупричесанная, разглядев разукрашенные лица незваных гостей и направленный на нее пистолет, ахнула и без чувств прислонилась к стене. Федос успел выхватить из ее рук керосиновую лампу.

Калашник сунул в рот онемевшей женщины кляп, связал за спиной руки и усадил на пол под лестницей.

– Наталка, кто там пришел? – услышав возню в прихожей, забеспокоился хозяин. И, не дождавшись ответа, Кернер сбежал вниз по лестнице.

Спустя минуту заводчик очутился в своем кабинете, рядом дрожала его лишившаяся дара речи жена. Супруги испуганно глядели на Махно и его хлопцев.

Лица ночных гостей были черны, колушки и свитки надеты наизнанку, револьвер в руках самого низкорослого налетчика покачивается как бы в раздумье: то ли выстрелить, то ли погодить.

– Великодушно звиняйте, шо потревожили вас серед ночи. Но я не сбрыхал. Вашему рабочему Сыромятнику, шо мисяць назад пострадав на вагранци, и правда нужен дохтор. А без грошей дохтор чо-гось не хоче лечить. И ще нужна помощь Калиберди, Юницкому, вашему кучеру Королю, ще Трегубову, Зайченко... Не стану всех перечислять, бо нема времени. – Махно произносил свою речь наигранно ленивым голосом, совершенно не похожим на его собственный. – Мы без злости до вас прийшли. Если вы по-доброму, то и мы по-доброму. Поспособствуйте грошима на прожитие и на дохторов бедному люду... – И так как Кернер все еще колебался, Нестор сиплым полушепотом добавил: – Тилькы, пожалуйста, поскорее думайте, бо времени нема. И доброта у нас уже от-от кончится.

И он стал медленно взводить курок.

Кернер достал из ящика стола пачку банкнот, в основном червонцев:

– Здесь чотыреста двадцать рублей.

– Мало. У вас же не якась там задрипана гончарня, а завод.

– Больше я дома не держу... Вам не мешало бы знать, что серьезные люди хранят деньги в банках, в акциях... Больше нету, можете искать.

Махно обвел взглядом кабинет. Здесь столько шкафов, шкафчиков, этажерок, картин в рамах, толстых книг в золоченых переплетах!.. До утра искать!

– Мало! – повторил он, наводя револьвер на Кернера.

Заводчик достал пятифунтовый слиток серебра, положил его сверху на пачку банкнот.

– Это не деньги, но... Хотел заказать себе серебряный прибор. Рублей на сто пятьдесят потянет... Это все. Действительно – все.

Федос взвесил слиток на ладони и удовлетворенно спрятал его за пазухой.

– Ну, добре, – сказал Махно без всякой, впрочем, доброты в голосе. – Трошки помогли, конечно. Но дуже мало. – И добавил выразительно: – Бувайте... пока шо... здоровеньки. – У двери обернулся, оскалил зубы: – Можете, конечно, крик поднимать, полицию вызывать. Дело ваше. Но я лично не советую. Лучше не надо.

И гости исчезли...

Кернер устало опустился в кресло.

– Что это было, Моисей? – пришла в себя жена. – Какие страшные. И почему во главе почти что карлик? Что это такое? Какой ужас!

– Это не карлик, – ответил заводчик. – Он у меня на вагранке работает, мальчишка совсем. И еще он в нашем театре играет. Я его узнал.

– В театре? Ничего себе театр они нам устроили! Но почему ты сидишь?! Надо посылать за полицией.

– Не надо полиции, – задумчиво проговорил Кернер. – Ты знаешь, кто стоит за ними, за этими карликами? И я не знаю. Зато я знаю, что творится в России. У нас еще, слава Богу, благодать. Но боюсь, что скоро и здесь будет как в России.

– Так почему ты сидишь? Надо уезжать! Ты посмотри: Шихманы уехали, Левантовичи уехали, Шрайберги тоже. Они все давно в Америке! Они умные люди!

– Что ты говоришь, Фира? Шихманы и вообще все эти – они уехали от бедности. Но я не знаю никого, кто уехал бы от богатства. Кем мы были вчера, Фира? Нищие переселенцы из Вильно. Теперь у нас заводик. Надо переждать. Мне кажется, цар не даст, чтоб кругом были бандиты.

– Цар! Очень ты нужен цару!

– Я ему не нужен, ему нужен мой завод. Завод дает деньги в казну. У цара все-таки есть голова!

Фира засомневалась:

– А не будет здесь хуже, чем в России? Это ж все-таки запорожские казаки. Ты читал «Тараса Бульбу»? Там все про них написано.

Кернер обвел глазами кабинет. Это был очень уютный кабинет, с книгами и с мебелью красного дерева, с резными украшениями. На стенах в богатых золоченых багетах украинские пейзажи. Остроконечные тополя, мазанки, речки, чумаки в широких шароварах, волы, тянущие тяжелые возы. Мир, покой, довольство.

– Надо переждать, Фира... Дай мне нашатырного спирта. Пойду посмотрю, что там Наталка...

Утром Нестор пришел к Андрею Семенюте, выложил перед ним ночную добычу. Сперва несколько четвертных, затем червонцы, пятерки. Четыреста двадцать рублей. Сверху стопку купюр придавил серебряным слитком.

– Все!

– Не густо, – покачал головой Семенюта.

– Сказав, шо дома гроши не держе.

– Это правда. Богачи обычно держат деньги в банках.

– От бы банк шарпнуть! – мечтательно сказал Нестор.

– Ближайший банк – в Александровске. Охрана – человек двадцать. Может, и больше. Все с револьверами чи винтовками... Так как, будем брать банк?

– Не! Лучше ще якогось подпанка приголубым. Не все ж они держать деньги в банках. Може, хто в буюфети чи под матрасом.

Дня через два они повторили вылазку. На этот раз уже в масках. Разноцветных, сшитых из сатина, с прорезями для глаз и рта.

Перед ними стояла перепуганная пара – хозяин красильной мастерской Иосиф Брук и его жена. Здесь и комнаты были победнее, чем у Кернера, и хозяева попроще.

– Рабочий народ извиняется и просыть от вас, богатеев, помочи, – почти дословно повторил Махно свое первое выступление. – На одежду, на еду, на дохторов. Просым вас по-доброму. По вашей немалой возможности!

Но хозяева, похоже, онемели при виде масок и револьвера.

– Так шо? – спросил Махно, помахивая кольтом.

– И быстро! Быстро! Времени нема! – страшно закричала другая маска голосом Федоса. Хозяева вздрогнули.

– Я всегда... – пробормотал Брук, – и касса взаимопомочи... и когда што... и это... Вот и супруга подтвердит. Роза, подтверди!..

Роза кивала, бессмысленно уставясь на револьвер.

– От ты, Боже мой... Хлопци, пошуруйте! – scomандовал Махно.

Щусь и Калашников стали шарить в столе, в шкафу.

– Позвольте указать, – заговорил Брук, выставляя палец в сторону стопки книг на краю стола. – Там... под Брокгаузом...

– Под яким ще Брогаузом? Де вин?

Следуя указаниям пальца, Нестор догадался. Приподнял книги и увидел пачечку ассигнаций. Тоненькую, но зато она состояла из «широкоформатных» «катек» и «петек» – пятисотрублевых и стотрублевых банкнот.

– Так и запишем, – засовывая за пазуху деньги, сказал Махно, – сдача грошей господином Бруком в пользу неимущих людей була произведена добровольно. За шо вам вельке спасибо. Прощевайте. И тихесенько сидить тут, пока... ну сами знаете, шо може быть в случай чого!..

Они медленно, то и дело оборачиваясь, направились к выходу. И тут Калашник заметил на столике пузатый цветной бочонок.

– Глянь, копилка! – толкнул он плечом Нестора.

Калашник взял бочонок и начал его трясти, надеясь услышать звон. Но копилка молчала. Заметил маленькую ручку, торчащую из донца бочонка. Крутанул ее: может, копилка открыта? Но она не открывалась, а на вращение рукоятки отозвалась мелодичным звоном.

Калашник стал медленно крутить ручку, и хлопцы услышали незнакомую и чарующую музыку.

На какое-то время они замерли, забыв, зачем пришли сюда и почему нужно торопиться.

– То, панове, дочкина была игрушка, – объяснил Брук, немного пришедший в себя при виде бандитов, увлеченных музыкой. – Дочка уже давно замужем, так что возьмите себе. Може, у кого есть дети...

– Спасыби, – поблагодарил Калашник, все еще прислушиваясь к музыке. А потом, прижимая музыкальный бочонок к груди, как самую ценную добычу, пошел вслед за Нестором и Щусем.

Когда они оказались где-то на своей стороне Гуляйполя, в тени вишневых деревьев, Махно потребовал у Калашника:

– Давай музыку сюда!

Без масок они были просто ватагой украинских хлопцев, которые хоть сейчас готовы колядовать и веселиться, подобно гоголевским героям. В сумраке их лица светились улыбками.

– Я найшов, Нестор! – возразил Калашник. – Моя!

– Дурень. Я соби, чи шо?.. Насте подарым, пускай порадуеться! Та й маски не задаром же шила!

Калашник неохотно отдал бочонок. Щусь при этом сказал Нестору:

– Тилькы скажи, хай сховае де-небудь в садочку. И слухае одна. Шоб до полиции нена-роком цей бочонок не докотывся.

– Настя не дурна, – в который раз повторил Нестор.

На следующий день они снова собрались в старой кузне.

Вечерело.

– Куда сьогодни? – спросил пришедший в кузню последним Калашник.

– Никуды не надо, – тихо отозвался Сашко Лепетченко. – Я чув, ночью татко з мамкою говорылы: в сели банда объявилась. З сьогодняшнього дня всю полицию на ноги поставылы. Ночни дежурства...

– Надо б малость переждать, – поддержал брата Иван. – Пока все уляжется.

Наступила долгая пауза. Все смотрели на Нестора. И он наконец решил:

– Гроши нужни. Ще раз сходим – и затихнем. Но надо, шоб без осечки. Туды, де грошей немеряно.

– Знать бы де, – вздохнул Калашник.

– Я знаю, – отозвался Федос Щусь. – У мого хозяина, у Маскуриди. У нього багато грошей. И держит вин их в своей лавке.

– Чого ж раньше мовчав? – удивленно спросил Нестор.

– Раньше!.. Я знав, шо вин тысячами ворочае. А тилькы де их держит – не знав. А тепер знаю...

...Горящий на столбе четырехгранный керосиновый фонарь освещал вывеску: «*Винная торговля оптомъ и в розницу М.М. Маскуриди*».

Хлопцы негромко переговаривались.

– А шо, если вин гроши додому односе? – спросил Калашник.

– Не. Вин их не тилькы од казны укывае, но и од жинкы, – уверенно ответил Федос.

– И шо, правда, багато грошей? – не унимался Калашник.

– Не считаю, – сказал Федос. – Чув тилькы, як выдирае половицу и шось бормоче... Вин гроши в лавке держит, пид половицей.

– Выходит, мы у вора красты пришли.

– Не красты, а як це... экспро-при-ировать. Велька разница, – резко заметил Махно и напомнил приятелю: – Ты, Федос, голос не подавай. Бо вин може по голосу тебе признать.

– Не дурный – понимаю! – ответил Федос.

Похоже, он был горд тем, что смог привести ватагу куда надо, и своего первенства уступать не хотел.

Между тем дверь лавки, прогремев запорами, со скрипом открылась.

– Додому! – басил хозяин. – Додому, Грыцько! И штоф сховай!

– Додому! Це мы понимаем!

В просвете двери громоздилась тяжелая, с отвисшим животом, фигура грека Маскуриди. Он только что продал горилку после отведенного законом времени и был этим доволен.

Дверь закрылась, прогремел запор.

Ватага приблизилась к двери лавки. В окне было видно, как шинкарь, склонясь над конторкой, при свете керосиновой лампы щелкает на счетах.

– А може, не надо, Нестор? – прошептал Иван Лепетченко. – Здоровый же, як кабан!

– Не здоровише револьвера, – отрезал Махно. Он надел маску, затянул на затылке тесемки.

Все последовали его примеру. Вплотную подошли к двери, выстроились за спиной Нестора.

Махно постучал.

– Македон! Македон! – прогнусавил он пьяным голосом только что удалившегося в темноту Грыцька.

– Додому! Додому! – не поднимая из-за конторки головы, лениво ответил хозяин.

– Штоф розбыв!.. Шоб твоя лавка сыним огнем горила!.. Продай ще!

Сердито грянула задвижка, дверь распахнулась... и вся ватага общей массой втолкнула Маскуриди внутрь, да так, что шинкарь тяжело упал на пол.

Федос изнутри закрыл дверь на засов, а хлопцы, все в вывернутых наизнанку кожушках, свитках и шапках, в масках, окружили Македона.

Махно держал кольт наготове, целясь в шинкаря.

– Гроши! – приказал Махно. Рука его чуть заметно вздрагивала. И это не ускользнуло от взгляда Македона.

– Ах вы, недомерки! – загремел он. – Злыдни чертови! Гроши им!

С проворностью дикого кабана он кинулся на Махно, пытаясь отнять у него кольт.

В борьбу вмешался Федос. Но как ни крепок, ни высок ростом был хлопец, он не мог справиться с дородным и сильным хозяином трактира. В кутерьме отлетел в сторону кольт. Махно ловко бросился к ногам Македона, обхватил их. Маскуриди вновь упал, но успел сорвать маску со Щуся.

– Федос? – удивился не на шутку рассерженный хозяин. – Ну, гад, сгною в тюрьми!

Махно продолжал держать ноги Маскуриды, а тот, стараясь подняться, волтузил кулаком по спине и по голове Нестора.

– Стреляй! – крикнул Махно подобравшему кольт Ивану Лепетченко. Но револьвер дрожал в руке хлопца.

– Не могу! – чуть не заплакал Лепетченко.

Извернувшись, Нестор прыгнул к Ивану, отобрал у него кольт. Но и Маскуриды вскочил на ноги, схватил с конторки тяжелые счеты, поднял их и со звериным рыком бросился на Махно.

Нестор выстрелил. Дважды. Маскуриды словно налетел на какое-то препятствие, но продолжал стоять, как бы чему-то удивляясь. Лишь затем счеты стали медленно опускаться.

Нестор выстрелил еще раз.

Маскуриды упал.

– Тикаем! – бросился к двери Калашник.

– Стой! – прошипел Махно, снимая маску и прислушиваясь к последним судорожным вздохам шинкаря. – Федос, шукай гроши!

И пока Щусь ножом поддевал и приподнимал половицу, Нестор торопливо собрал вырубку, которую только что пересчитывал Маскуриды.

В комнате было дымно после выстрелов. Руки Нестора все еще дрожали.

– Убылы! – ужаснулся Иван. – Убылы, убылы...

– Мовчи! – оборвал его Нестор. – Вин Федоса узнав. Шо було делать?

Тем временем Щусь достал из тайника плетеную кошелку с бумажными деньгами и монетами. Махно нарочито не спеша рассовывал деньги по карманам, заталкивал за пазуху. Часть прятали по карманам хлопцы.

– Пишлы, пишлы скорисше, – уговаривал Иван Лепетченко. Обходя мертвое тело шинкаря, он перекрестился.

Выйдя на площадь, они разошлись в разные стороны...

Тиха украинская ночь...

Дома Нестор, крадучись, прошел к полатам, где спал Григорий.

– И де ты носышся, просты Господи, по ночам? – раздался из другого угла голос матери. – Вечера на столи. Галушки холодни, кисляк...

– Не хочу, мамо. – Нестор, не раздеваясь, улегся рядом с братом.

– Богу хоть бы помолвися на ночь, – сонно пробубнила мать.

– Молюсь, молюсь...

Гришка, как оказалось, не спал.

– От тебе порохом пахне, – сказал он брату.

Нестор не ответил.

– А дрожишь чого?

– Ночь холодна. Счас угреюсь!.. И смолкни!

Нестор потянул на себя рядом, но вдруг резко вскочил, сел на полатах. Он услышал мелодию музыкальной шкатулки.

– Ты чого? – спросил Григорий.

– Музыка.

– То Настя. Цилый день цю шарманку крутить.

Нестор накинуд на плечи свитку, вышел во двор.

Ночь была звездная, светлая.

Он всмотрелся и увидел неподалеку сидящую Настю. Она увлеченно крутила ручку музыкальной шкатулки.

– Ты чого не спишь? – сердито спросил Нестор.

– Ой, а я й не замитыла, як вы прийшли.

– Иды спать.

Настя поднялась:

– Дядя Нестор! Спасыби вам! Така ж ловка музыка. Ну, прямо, як... як в церкви!

– Ты лучше в хати грай. А на улице не надо.

– Ладно.

Настя пошла к своему дому. Звякнула щеколда.

Нестор еще немного постоял во дворе и тоже пошел спать.

Утром Семенюта зашел к Антони. Говорили о том, о чем уже шептались и даже взволнованно гудели гуляйпольцы.

Жизнь в селе начиналась рано. Корову подоить, накормить скотину, приготовить хозяину сніданок надо было до солнца. Пастух собирал стадо на бледном еще рассвете. Он шел по улице, щелкал кнутом и выводил нехитрую мелодию на своей дудке.

Да и на заводах, в мастерских рабочий день начинался до восхода солнца, часов в шесть.

Так что тревожная новость об убийстве Маскуриди облетела Гуляйполе еще затемно. Прождав мужа всю ночь, жена Маскуриди пришла к лавке и обнаружила его мертвым. Крики и плач разбудили многих, не только полицию. Начался переполох.

– Не нравится мне это, – пробурчал Вольдемар Антони, выслушав рассказ Семенюты. – Завалят хлопчики дело.

– Мы ж сами учили их не ждать, – возразил Семенюта. – Если их остановить, дело все равно завалится. Революция не терпит остановки.

Андрей хорошо говорил по-русски. Суржик употреблял только в разговоре с гуляйпольцами, чтобы быть понятным землякам и не слыть чужаком. В свои двадцать с небольшим Семенюта был уже опытным конспиратором-анархистом, поездил и по России, и за границей.

Антони задумался.

– Что ты предлагаешь? – после длинной паузы спросил он. Было похоже, что страстный агитатор, сеющий бурю, в ответственный час растерялся.

– Надо брать их под свою команду, – твердо сказал Семенюта. – Мы должны верховодить. Иначе они разочаруются в нас и будут действовать самостоятельно. Молодая кровь. Горячая.

Себя он чувствовал уже немолодым, и для этого были основания.

Антони кивнул:

– Пусть приносят добычу. – Он уже овладел собой. – Много там у них?

– Не знаю, – ответил Андрей.

– Думаю, не больше, чем на пяток револьверов... Не стоило того риска, которому они нас и себя подвергали.

Утром хлопцы сдавали деньги Вольдемару. Он, насупившись, смотрел на смятые ассигнации.

– Не столько денег взяли, сколько шуму наделали. Все Гуляйполе гудит!.. Зачем шинкаря убили? Кто из вас? – строго спросил он.

Хлопцы молчали. Взгляд Антони остановился на Несторе. За короткое время Махно стал выглядеть повзрослевшим, посуровевшим.

– Значит, вы, Нестор?..

Махно посмотрел ему в глаза:

– Яка разница! Главне, гроши! – Он подвинул по столу к Антони кучу ассигнаций и с некоторым бахвальством сказал: – Тут коло трех тысяч рублив! Хватит?

На этих словах Нестора Антони вернул себе главенствующую роль:

– Три тысячи?.. А дорога? А грузчикам? А возчикам? А таможенникам?.. Три тысячи, десять тысяч – не деньги.

Нестора его ответ явно обескуражил. Но ненадолго.

– Так подсказать, де взять ще? И як?

Вольдемар заговорил не сразу.

– Много денег в банке, Нестор Иванович! – Он свысока поглядывал на Махно, в котором уже чувствовал не только сподвижника, но и будущего соперника в организации.

– Банка у нас нема, – мрачно констатировал Нестор.

– Неподалеку, в Бердянске, есть Азово-Донской банк. Между прочим, один из крупнейших в России.

Хлопцы в растерянности переглянулись.

– Легко сказать – «банк». Там же охрана, сейфы. Вы ж сами говорили – помрачнел Махно.

– Вот именно, Нестор Иванович. Но... банк регулярно посылает в волости почтовые кареты с деньгами. С немалыми деньгами, замечу вам.

Ватага оживилась. Семенюта с мекфистофельской улыбкой глядел то на Антони, то на хлопцев. Он понимал, что Вольдемар взял дело в свои руки. И «дело» крупное.

– А як же узнать, колы воны сюда, в наши края, гроши привезуть? – спросил Махно.

– А вот это наша с Семенютой забота, – сказал Антони. – О времени и месте мы вам сообщим... Но банк – это банк. Чтобы его взять, нужно основательно подготовиться. Не за день и не за два. Нужно еще хотя бы пару винтовок добыть, гранаты... В этом случае надо ко всему быть готовым. Скорее всего, не обойдется без крови. Карету, как правило, сопровождает вооруженная охрана!

Глава десятая

На заводе Кернера, в плавильном цехе, было копотно, на стенах играли багровые сполохи. Нестор в грубом прожженном фартуке захватил щипцами пышущую жаром круглую отливку, бросил ее на кучу песка.

Проходящий мимо рабочий, не оборачиваясь к Нестору, сквозь зубы проронил:

– Хозяин в цехе!

Нестор неторопливо взял совок, забросал отливку песком.

– Кернер идет, – предупредил Нестора еще кто-то.

Нестор склонился к стоящей на земле коробке, стал засыпать в нее сырую формовочную массу. Увидел, как неподалеку от него остановились глянцевые ботинки. Поднял глаза. Кернер с интересом рассматривал Нестора. Сопровождающие хозяина стояли чуть поодаль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.